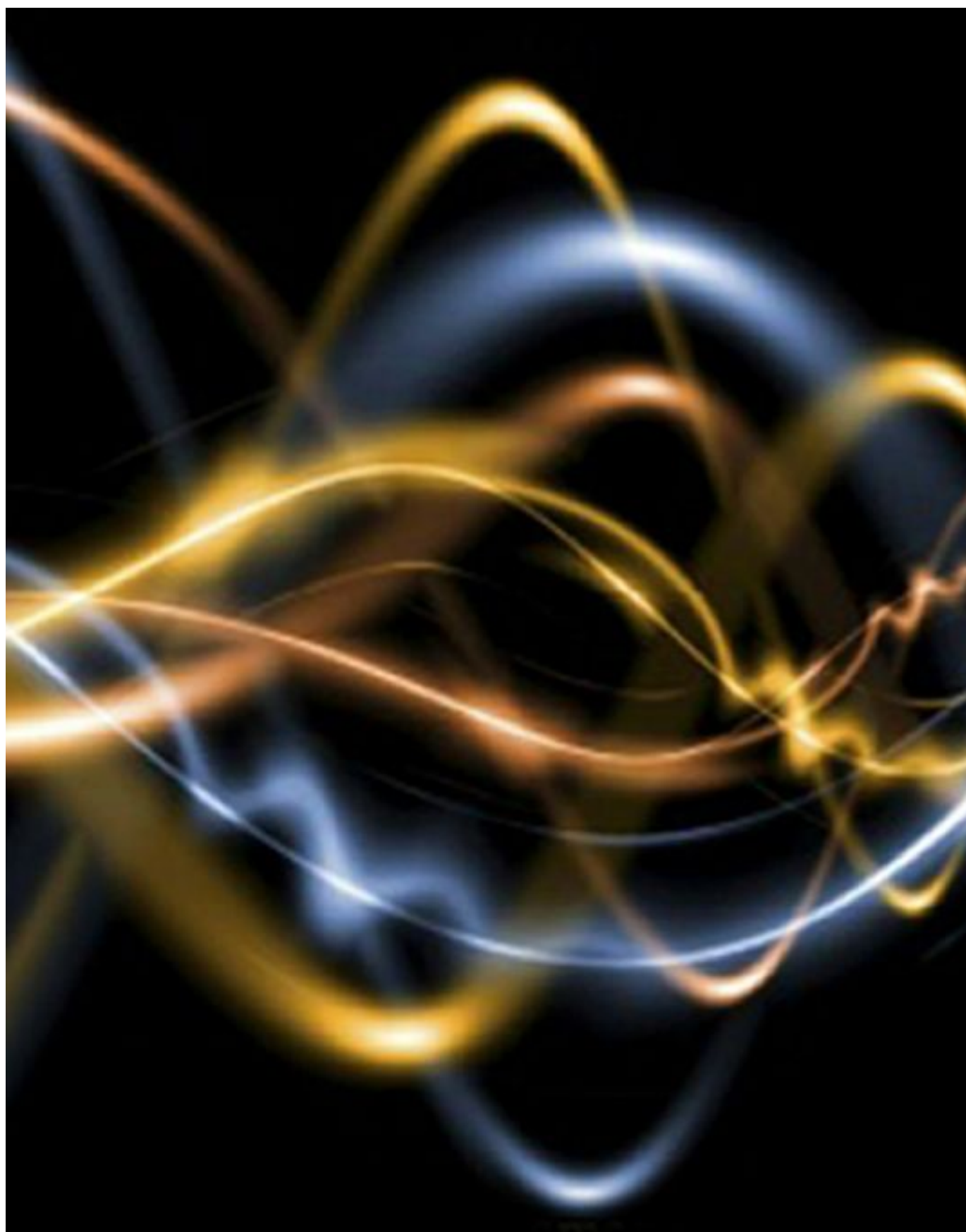

Виктор Брусницин
игра в заперти

Виктор Брусницин

Игра взаперти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9448475

ISBN 978-5-4474-0760-5

Аннотация

Непростые взаимоотношения наших современников, мужчин и женщин, чьи жизненные пути причудливо и неожиданно переплетаются, образуя сложный узор во времени пространстве.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Игра взаперти

Виктор Брусницын

© Виктор Брусницын, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

Аэропорт был привычен, как стул. В небе расположился крепкий наст облаков, Виталий слонялся по стоянке машин, разговаривал с нередкими знакомыми, безвольно вглядывался в унылое пространство. «Рейс шестьдесят первый прибывает», – оповестил электрический голос. Прибежал южный самолет, ненужный, девицы из него были безрадостны и обуглены. Бомж неподалеку от входа в здание аэровокзала воодушевленно с невнятной целью приставал к милиционеру, тот снисходительно вразумлял нечестивца.

К обеду ветер порвал облака, упал сноп света. Захотелось на рыбалку.

– Он должен появиться, – разомкнул уста Виталий и усмехнулся, не веря собственному голосу.

Взошел на второй этаж здания и устроился в очередь буфета (являлось почти недопустимым), уперся взглядом в парнишку лет тринадцати, стоявшего перед ним. Малец был нескладен – аккуратен и ненужно суетлив. Подумалось: мама дала денег на пирожок, а сынок ожидает обнаружения воли решиться на пирожное и уже подыскивает варианты объяснений относительно сократившейся сдачи. Конфуз, гражданин потребовал достойную снедь и неумолимо рассчитался. Виталий с удивлением нашел, что взгляд зацепился за паренька, – тот присел за столик, где ожидала миловидная особа в темных очках. Уже совсем подивился, когда подошел к парочке и спросил женщину, впрочем, досадливо:

– Не помешаю?

– Нет-нет, присаживайтесь, – приязненно прозвучал ответ, но... парня. Виталий повернулся к нему всем телом, глаза добро сузились.

Он вяло склонился над чашкой, отхлебывал кофе и поглядывал на подростка. Забавно, на короткое время забыл о женщине, лишь слегка неестественное отношение малого к спутнице, выраженное в деловитых репликах, напрягло внимание к ней: утаенные, мелкие броски взглядов.

– Мне, пожалуй, довольно, – устало проговорила дамочка и отстранила тарелку.

– Рубай, – разве не зычно укорил парень, – сколько еще ждать придется.

– А нужно ждать?

– Если не дождемся, потом как их найдем?

– А без них никак?

– Я уеду – хоть какие-то свои.

Женщина вздохнула – читалось сомнение в близости обсуждаемых. Виталий резко поставил кофе.

– Ты доел? – спросила миловидная.

– Да.

– Возьми мое.

Парень взглянул на тарелку, сноровисто взял пирожное и, откусив, пробубнил: «Пойдем». Особа встала и вытянула руку, адресат бережно принял ладонь – одновременно наклонился и взгромоздил сумки – осторожно тронулись. Женщина была слепа.

Нда, день разбавился – впрочем, для слепой она опрятна, пришло Виталию. Надо же, таки допил кофе – резвыми неравномерными глотками.

Пара вышла из здания и уселась неподалеку от двери на свободную скамью – Виталий, отойдя в сторону, наблюдал. Парень и женщина курили, это не казалось неестественным. Сидели, однако, молча, застенчиво. Незрячая дышала дымом часто и поминутно отряхивала пепел, длинно вытянув руку. Выбралось солнце, измарало сцену бликами, на женщине зашалила, блестя, прядка, дым растаял в воспаленном свете.

Через час тандем находился на том же месте. Парнишка регулярно вскакивал, суматошно шлялся по панели, осматривал себя в зеркале массивных стекол. Копал в носу, чесался, бестолково крутил головой – в стороне от спутницы становился собой. Виталий подошел (парнишка отсутствовал) и сходу сообщил, что наблюдает.

– Я вас в буфете сперва увидел.

– Я знаю, – произнесла женщина голосом с неожиданным содержанием глубоких медных нот.

– Вот как, – удивленно и вместе недоверчиво произнес Виталий.

– Коля сказал, – развеяла сомнения та.

Коля тут же образовался (лихо и внезапно), сел тесно со спутницей – строгий, внимательный.

– Я – Виталий, – обратился Виталий к даме, однако ответ получил от паренька: «Я – Коля, она – Катерина. (Имя женщины прозвучало важно и не забавно.) Мы из Саратова. Едем в Нижнюю Серьгу». Виталий поправил с мелкой улыбкой: «Нижние Серьги...» Улыбку, правда, тут же устранил. Заговорила Катерина:

– Нас должны были встретить знакомые. Они и намеревались доставить до места. Вероятно, что-то случилось, задерживаются.

Следовало говорить.

– К родственникам, отдохнуть едете? – подобрал Виталий.

– Нет, в санаторий для слепых. – Ответил Коля. – Я провожу и обратно. С обустройством знакомые и должны были помочь.

– Рейс пришел вовремя?

– Нет, на час опоздал. И здесь уже часа два толкаемся. И мобильник сдачи не дает, заело что ли... – Парень полез чесать макушку, смешно сморщил лоб. Затем развел руки.

– Адрес знакомых есть? – коротко спросил Виталий.

– Есть. – Коля.

– Едемте, я отвезу.

– А не разминемся? – Это Катя.

– В любом случае так надежней.

Коля сверкнул взглядом, стремительно выпрямился, взглянул на Виталия и, переменив лицо, устало откинулся обратно на спинку – произнес:

– Мать, вообще-то, не велела с чужими общаться. – Тут же, однако, воодушевился. – Сколько это будет стоить?

– На-ка, – с ворчливой нотой поднял Виталий сумку и повесил на парня, не заметив нескладность ответа.

Едучи в машине, после нескольких сопутствующих фраз Виталий сказал с малозаметной улыбкой: «Самостоятельный у вас сынок». Услышал от Кати, общим тоном, что Коля не сын, далекий родственник. Метнулось желанье полезть с вопросами и... сократилось.

Между тем ветер осерчал, совсем прояснил небо, ерзали над землей отрепья облаков, в приоткрытую фортку авто веяло сыроватой прохладой. Город навалился тяжелым, замороженным.

– Вон там живу, – мотнул головой Виталий, пытаясь стряхнуть молчание, и подумал, что Кате непонятно.

– Потеплело, кажись, – откликнулся Коля. Оказалось симпатичным, и Виталий согласился: «К июлю, глядишь, совсем похорошеет».

Искомые обитали на противоположном от порта краю города – со светофорами, пробками повозились немало. Адрес указал на облупленный двухэтажный дом с угрюмой железной дверью.

– Подождем, может, кто выйдет, – хило сказал Виталий. Добавил: – Или войдет.

Через пять долгих, растянутых молчанием минут стучал в окно. Открыв фрамугу, высунулась девчушка, грозно спросила:

– К кому?

– В седьмую квартиру, – объяснил Виталий.

Девчушка исчезла. Загремела дверь подъезда, из сумрака щели выглянули пытливые глаза... Поднялись с Колей. После бесполезных домогательств пошли тревожить соседей. Одну из дверей открыла сморщенная старушка со сбитым платком на голове и редкими седыми волосами.

– Может, вы в курсе... – начал Виталий.

– Нету их, – живо и отчетливо прокурлыкала бабушка, – и не ищите, напрасно. Всякие искали – нету.

– Как это нету? Не пропали же совсем.

– А никто не знает. Что-то темное... Возможно, Петька, – старушка ткнула в соседнюю дверь, куда Виталий уже стучал, – только и не спрашивайте, промолчит.

В авто Виталий посочувствовал:

– Нда, долго бы вы ждали.

Катя молча нашла руку паренька. Виталий увидел жест и, чувствуя, как неумолимо иссякает романтизм ситуации, уцепился за оставшиеся крохи: «Едемте прямо до места, там разберемся».

Растительность сверкала контрастами, тенистые кущи влекли отрешенностью. Машина медленно текла в объемах Урала. Ближе к цели лес поплотнел, нервно шевелились хвойные лапы, щетина придорожной травы слипалась в кашу. В разорванную изгородь поросли впрыскивалась убогая, плоская архитектура. Катя молчала, Коля спал.

В Нижних Серьгах Виталий несколько раз останавливался, спрашивал дорогу. Место от селения лежало недалеко, в добротном, с запахом и тенью лесу.

Обыкновенный пансионат средней руки, занимающий порядочное, обнесенное невысоким тыном пространство, с множеством ухоженных дорожек и трехэтажным белого кирпича корпусом в середине. Подле входа сидели трое: две пожилые дородные тети и страшно худой старик – он один был в черных очках. Все владели тросточками и, если бы не молчание, угадать внимание к подъехавшей машине было трудно.

Виталий распорядился выходить и подошел к сидящим. Уж хотел задать вопрос, да отвлекся, увидев глаза одной из женщин, мертвые, уродливые (у соседки – обыкновенные), и обзавелся холодком. Подумалось, у пассажирки такие же. Как раз вышла из дверей ладная дама в розовом халате (униформа, вероятно).

– Где отдыхающая? – Виталий отметил, что вопрос понравился – не исключено, готов был услышать «больная».

Вместе прошли в заведение. Заполняли бумаги.

– Так вы хотите, чтоб мальчик разместился с вами? – после некоторых вопросов резонно поинтересовалась встречающая. – Избавьте. Вы будете жить не одна. А в мужском отделении теперь карантин.

– Но что же делать? – потерянно спросила Катя, лицо обзавелось пятнистой бледностью.

Женщина напористо вперилась в Виталия:

– Вы можете посодействовать?

Виталий вяло ответил:

– Мы же объяснили, я человек посторонний... – Дальше получилась пауза, и сказалось безучастно: – Собственно, пристроим как-нибудь.

– Вот видите! – бодро вякнула дама. – Это отнимет всего один день. Завтра мы мальчика отправим восвояси, я тотчас закажу билет.

Возобновились бумажные процедуры, потом пошли телефонные переговоры с аэрофлотом, Виталий помаялся маленько и окунулся в безразличие.

Попрощались квело – Коля в последние минуты совсем пожух, и Катя особенных чувств не проявила. Виталий вообще просто кивнул, забыв, что женщина незряча. Когда отъезжали, сидюков на скамейке не оказалось.

Начались сумерки, верхушки елей рябили рыжим, воздух стал насыщенней. Коля заполз за сиденье водителя, затаился. Когда выехали на добротную дорогу, голова Виталия вдруг хорошо опустела, асфальт резво стремился под колеса, меланхолично сипел автомобиль. Перед самым городом парнишка напомнил о себе:

– Давайте заедем к знакомым снова, может, они появились.

– Давай, – скрипнул отрешенно Виталий.

Из машины он выходить не стал. Коля ушел в подъезд и отсутствовал долго. Вернувшись, пояснил:

– Я записку оставил, с Катиными координатами.

– Правильно сделал, – безжалостно буркнул Виталий...

– Сын приятеля. Переночует у нас, – чтоб не вдаваться в долгие объяснения, соврал жене, и жестко. Валентина знала тон и домогательства оставила.

Молча поужинали, Коля попросился спать. Валентина не преминула проворчать в спальней:

– Твой в туалете всю сидюшку обдул.

Ночью взяла маята, сон не шел. Взбесившаяся кошка во дворе истошно блажила о судьбе, набежала духота, в виски стучала кровь. Виталий вставал курить и злился, что Валентина забыла купить соку. Утром же пробудился свежий, вспомнил малого. Улыбнулся. Жена собирала хныкающую дочку в садик (старший сын, Колин возраст, пребывал в лагере). Виталий уныло и добродушно понаблюдал и отвернулся. Поднялся, когда родственники ушли. Помылся и потормошил пацана:

– Вставай, ероплан уйдет (самолет, вообще-то, вылетал после полудня).

В центре города мальчика посадил, указав на остановку автобуса, который довезет до аэропорта. Холодно попрощались.

Пошел обычный день, Виталий поехал в гараж к Лева. Высокий, живой мужчина близкий к пятидесяти (Виталию в районе сороковника), маститый, с богатой биографией, резкими, поражающими способностями в самых неожиданных областях и склонностью считать жизнь пустым занятием.

Лева был консервативен. Будучи крупным аферистом и имея порой очень солидные деньги, жил в хрущевской пятиэтажке, завещанной родителями. Фешенебельную машину, соответственно, ставил в гараже. Обычный капитальный бокс в массиве, здесь Лева периодически в летние месяцы обитал – любил товарищ простонародный антураж. Автомобиль с утра извлекался, помещение заполнялось разномастной, довольно отпетой публикой. Шла картежная игра. По масштабам Виталия и Левы мелкая, но прихотливая атмосферой.

Нынче сидели трое: двое молодых и скучный Лева – вяло перекидывались. Помещение было наполнено похмельными миазмами. Послонявшись по боксу, Виталий вынес наружу стул, грузно, скрипуче сел, широко распластав ноги, свалил с плеч рубашку, колупнул пальцами пуп, зажмурил глаза и пустился под солнце. Пришел ветерок, ковырялся в теле, мужики шебаршили пустыми возгласами.

Лева ныл:

– Грыжа (жена) всю печень съела с дачей – положи ей.

– Ты же сам хотел завести, – шевельнул языком Виталий.

– Болит спина, кто будет работать? Черт, ноет беспробудно. Похоже, обратно в больницу упасть придется.

– Ложись, дел нет. Менты кругами ходят.

– Ыгы... в Москве вообще вилы. Тут Лямин приехал, худое толкует...

Виталий встал, щупал грудь, уныло понаблюдал за играющими.

– Вчера полдня в порту терся, так Красавчика и не надыбал. Проклятье.

– Что братва говорит?

– Должен появиться.

– Кто работает?

– Слоновские, собирают медяки. Не понимаю, что можно сейчас в порту варить – народ отбелённый до кости... Поеду к Диме Постричеву. Надо о делах перетереть.

Лева грустно и коротко глянул на Виталия:

– Съезди...

Дорога из гаражей была подлец: по мокрым дням безбожно гнила и нервы автомобилистам тревожила. Перед выездом на резвый путь Виталий проехал мимо двух девиц приятельного облика. Приоткрыл окно, обратился:

– Эй, нога, нервно идешь. Садись, прокачу на доброте.

– Ехай, хороший, – не взглянув и брезгливо отодвинув руку, молвила ближняя, – не мешай запахом.

– Кушай хлеб, – буркнул Виталий и шумнул мотором.

Нет бы ехать обычным путем, полез для сокращения через центр. Полдень, ковылял до места чуть не час. Впрочем, и мотор троил (оказия: эти дни Виталий ездил на чужой Волге – его БМВ тюкнула одна никудышная дама и ремонтировала).

Диму, положим, не застал. Ткнулся в соседний офис – знакомые размещались – веселья не добыл. Того мало, взять бы и уехать, а он рассусоливал. И добился, уж вышел от знакомых, напоролся на Диму. Восклицал тот:

– Ты провидением послан! Машина только что крякнула, а мне кровь из носа в порт надо. Выручай...

В порту, дело ясное, Виталий добился Коли. Тот сам подошел.

– Я еще не улетел. Непруха.

– Что случилось? – участливо поинтересовался Виталий, пожалуй, отодвигаясь от скуки.

– Отложили рейс, дома погоду не дают.

– Много не дают?

– На три часа. Так и сказали – пока, – ободрил Коля.

– Дадут, народ верный, – соболезнавал Виталий, разглядев тепло.

Коля признался:

– Я, может, все одно не полечу.

– Так им и надо, – улыбнулся Виталий, – нечего рейсы задерживать.

– У меня билеты украли. Вместе с сумкой.

Виталий сразу обнаружил дрянненький впрыск в тело.

– Обращался в милицию?

– Да. Погуляй, говорят, проверим.

– Ничего страшного. Ты же в списке пассажиров состоишь – полетишь, – посулил Виталий и лениво моргнул. – Ну и везуны вы с родственницей. Деньги есть?

Коля слабо качнул головой – нет. Виталий сунулся в карман, отщедрил: «На вот». Помолчали чуть, и Виталий вздохнул печально:

– Пора мне, парень. Не хворай что ли.

Коля решительно расправил плечи.

– Дядя Виталий. Понимаете, в сумке адрес Катин был. На память его не помню. Ну, письма писать. И потом, обратно забрать ее не смогу – школа. Тетка поедет, а она без адреса не разберется. Мы, конечно, нашим знакомым напишем, но вы же сами видели.

– Ну? – голос Виталия сел.

– Если только вы съездите и нам адрес отошлете. Сама Катя первой не напишет, я знаю. Уж вы простите, но больше никак.

– У меня есть выбор? – Нашлась улыбка. – Давай координаты.

Записал, хлопнул Колю по плечу и, попрощавшись, ушел. Про Колино поручение забыл через минуты, а чтоб вспомнить, еще недели три пожил.

Лето на период беспамятства угадало важное – зеленые космы, градус. Виталий вышел из подъезда. Тропический полдень в пунктирных дождях и солнце. Неподалеку исполненный самообладания по старости грузный пес, скалясь и дыша вываленным языком, сидя на корточках, полуживо смотрел поверх истерически заливающейся на него моськи. Виталий этого не любил.

И дорога получилась нервная, с гаишником, что маял за провинность. Как правило Виталий на служивых пёр – знал, что закон не буква, на отношении построен и нахрап иной раз в лад – да нынче не нашел настроения. На смирении угреватый сержант и достал – пренебрег взяткой и вынул права временно из обращения. У Виталия на такой случай второй экземпляр дома лежал, за ним он и отправился. Документы все мужик валил в вазу, спящую в закромах секретера. Теперь вазочку пошевелил и напоролся на памятку, где выцарапаны были слова «Нижние Серьги». Подбородок потер, разозлился: «Черт, а ведь надо дело-то закончить. Обещал».

На следующее утро мужчина ехал в дислокацию. Трепетал лениво придорожный куст, пыльный лопух убежал в уголок глаза, в зыбкой мути плавал горизонт. Приехал споро – дорога проторенная. Собственно, и развернуться можно было (адрес узнал), но повидать Екатерину толкнуло – хоть повиниться, что забыл о наказе Колином, оттого и вестей нет.

Нынче сирых побольше насчитал, занимающих дорожки разно – одинокие и до трех особей купно. Одни тросточками мельтешили, другие не владели, можно было предположить променад. Картина являлась невежливая – слепые себя не стесняли, очков не носили. В глубокие, порой уродливые глаза глядеть было жутковато.

Кати не наблюдалось и вообще молодых. Углядев очередной розовый халат, сведения Виталий раздобыл быстро. Нашел ее в глубокой сторонке, сидела на скамье с пожилой тетей. Состояла с глазами нормальными, но усталыми. Гудели опрятно рослые ели, рябая тень лежала на скамье и прочем. Виталий поздоровался и начал объяснять, кто он таков. Катя испуганно остановила:

– Я поняла, Виталий.

Желая избавиться от ее испуга, Виталий спешно доложил о причине появления. Катя пустилась сожалеть о Колиных неурядицах, и знакомый посуровел:

– Глупости. Вы сами отдыхайте, а остальное идет верно.

Соседняя женщина встала и оговорила уход. Виталий на деликатность усмехнулся, впрочем, принялся Катю рассматривать и почувствовал себя замечательно. Действительно, деревья настояно пахли и было безмятежно. Только после запахов говорить следовало – не сидеть же пусто. Виталий пошарил, потщился (поговори со слепой), а девушка сама подсобила, и разговор странно побрел:

– Я, конечно, хлопотами докучаю, но вы не печальтесь, вам это понравится.

Виталий взбодрил брови:

– Понятно, что понравится – да и где докука, вон воздух сладкий.

– Ну, с работы согнала.

– Какое – неработь я.
– Странно, – огорчилась Катя, – я не угадала.
Здесь и пошла неожиданность: поправил себя Виталий – и как.
– Вообще говоря, дело-то есть. Только... Людей, словом, дурю. Деньги обманом, либо силой к себе перекалдываю. Вор, мафия, как понравится. А проще – жулик.
Катя промолчала. Виталий забеспокоился:
– Напугал что ли? Нет, насчет Коли и вас такого нет. Я крепкие деньги собираю.
– Господи, совсем не ожидала, – сказала Катя.
– Да ничего страшного. Обычная работа. Теперь все хотят стырить. – Тут же признался: – Правда, я не теперь начал – давно.
– И легко это? – Катя спросила обычно.
– В смысле на преступление пойти? Легко, даже красиво.
И снова неожиданность:
– Я знаю. Делала.
– Ну да, – не поверил Виталий, – и в каком роде?
– Вы, например, еще приедете и я расскажу.
Виталий засмеялся:
– Это ловко.
– Нет, впрямь, приезжайте. Вы симпатичный.
– Странно, я думал вы огорошитесь, – Покривлялся здесь же: – А насчет симпатии – есть. Я народу нравлюсь. Потому обманывать и занимаюсь.
Явно хотелось от Кати смятения (наверное, эта неприглядная штучка – «я знаю, делала» – попросила), потому что слова следующие ее невпопад показались:
– Я о внешности, мне Коля сказал. Вы ему понравились.
Виталий нахмурился:
– А вам разве есть разница? – Понимал, что говорит бестактно.
– Несомненно есть.
– Хм, это неожиданно и, как ни странно, приятно. Потому что я совсем несимпатичный. Впрочем, с женщинами ладить умею, только они мне обычно говорят, что я как раз суровый внешне и очень не красавец. Брутальный, оттого и нравлюсь.
Прежде вроде бы Виталий так не разговаривал.
– Непонятная вещь, – сказала Катя, – я опять ошиблась. Со мной это почти никогда не происходит. Мне вы совсем суровым не показались.
– Наверное, смена климата.
Катя улыбнулась.
Опять пришел момент: вдруг вспомнил Виталий, что пустой прибыл – мог бы какую малость завернуть для ритуала. И где вспомнил-то? – а когда подумал, что еще приехать допустимо. Словом, случилось на часы поглядеть и увидеть, что сорок минут разговор возят и прошли за миг... Обратно вез себя не порожним – уж и горизонт нипочем, и солнце пыжилось безобидно. «Это знатно придумано», – определил мужчина, разумея слепой санаторий и товарища Катю в нем.

Август иссякал, нервничал – на происходящее свалилась сырость. Жизнь хлюпала и пробирала. Все превратилось в русла, стоки, емкости – хлябь. Одежда мерцала, набухала, гнила. Редко пробегала несчастная, в сизых лохмотьях собака и на нее было похоже небо. Август изгалялся.

Народ исчез, последние представители шныряли в подъезды, все сосредоточилось в помещениях – сразу за полуднем окна тускло загорались флюоресцирующим туманом.

У Виталия офис существовал, но дутый, там сидела секретарша, толкался кой-какой народ, сам появлялся редко.

Заскучал и засел дома, потянулась флегматичная вязь дней. Сказать есть, против такого он не возражал. Доводилось обрушиваться в тоску, и утолял ее гражданин, подвергаясь чтению. Читал проникновенно, какие-то мысли начинали обременять, которые довольно ловко разрешал (физрой извилин именовал периоды), и, в общем, добывал устойчивость. Взял да поехал к Кате. Купил конфет. «Духи, разве, еще привезти?» – подумал и приобрел цветы.

Скупой сорил дождь, однако аллеи санатория были снабжены одинокими фигурами. В помещении розовый халат сообщила, что Катя ведет занятия.

– Занятия? – удивился Виталий.

– Да, – подтвердила халат, – английский язык.

– Однако, – изрек наш друг. Подумал, зачем слепым английский?

– Катя отлично владеет языком, – обиделась женщина.

Виталий произнес:

– Можно мне послушать?

– Я бы не рекомендовала. Боюсь, она вами смутится.

– Да я только войду, она не услышит.

– Это вы зря, – оживилась женщина, – Катя, безусловно, вас узнает.

– Бросьте, – безобидно и повыше произнес Виталий.

– И ничего здесь удивительного. Я вообще вам скажу, что у Екатерины Матвеевны поразительные данные.

Виталий поверил:

– Нет, серьезно? Узнает?

– Несомненно.

– Очень хочу убедиться, – просительно подогрел Виталий и ласково тронул женщину.

Посопела: «Н-не знаю».

– Неимоверно хочется, – наседали парень, – вы меня обяжете.

На лице той затеплилась милость.

– Вот вы в Кате участвуете – а так бы нет. Идемте...

Потянулись по сумрачному коридору, Виталий углядел, что полы устланы резиной, ага, подумал, чтоб слепым было цепче, порадовался своей сообразительности, но для подтверждения скользнул ногой.

– А вообще Катя?.. – спросил без мысли, так и не нашел, – э-э... как она вам? – Осерчал на себя. – Я к ней приспособился по обстоятельствам, а теперь интересно. Действительно.

– Я уже упомянула, Катя замечательная. Как она человека понимает... – Изложила это розовый халат, пожалуй, мечтательно. – И лечит руками – поле особенное. И вообще, знает много.

Виталий вспомнил, как Катя удивленно посетовала, что ошиблась насчет него, и стало азартно.

Вошли в просторную комнату. Стуком проводница поступок не предварила, просто взяла Виталия за руку и усадила на свободное место – их было довольно. Да и вышла – Катя, впрочем, занятий не переменила. Незамедлительно принялся рассматривать совсем не Катю, а присутствующих. Оказались неинтересны. Переключился на преподавателя, та внушала азы – Виталий в английском был сведущ, выучил на зоне. Никакой чувствительности учитель не показала, и через десять минут азарт смылся. Он еще подождал, совершая обследование помещения, да постановил уходить. Катя и сообщила:

– Виталий, я закончу скоро, вы подождите там... ну, где в прошлый раз.

Товарищ с удивлением обнаружил, что не удивился. Отсюда и вышел послушно.

Вот и дождь унялся. В проталину туч клонуло бельмо солнца. Вежливо чавкал песок дорожки, Виталий, склонив голову и трогая губы, плелся, следуя указанию. Подошел к месту, пустился думать, что бы такое Кате сказать, поскольку дело и верно необычное, а Виталий сам хват и попускать женщинам – тем более, – даже и незрячим – не намерен.

Не так уж скоро Катя подошла, Виталий, скажем, забыл план действий, – он и не заметил ее, ибо ерунду разглядывал, обернулся на утлый стук тросточки. И виниться не вздумала – я, говорит, рада, что вы приехали.

– А скучно дома сидеть, – надулся Виталий, – вот и поступил.

Катя здесь возьми да положи ладонь на локоть мужчины – тот скрестив у груди руки стоял – и как точно попала. Да и молвила:

– Не сердчайте, я же предупреждала, вам интересно будет. Вы ко мне станете ездить, я знаю.

Снова угадала – засмеялся человек душевно:

– Это хорошо, мне нравится...

Теперь глаза. Никаким уродством очи ее не обладали, более того, они смотрели. Другое дело, в глазницах не вертелись и поворачивались к собеседнику или к иному вместе с лицом. Иногда только зеницы уходили куда-то влево, вниз. Цвета были ближе карего.

Была ли Катя вообще красива?.. Да.

– Садиться однако мокро. Так пройдемтесь – я под руку люблю мужчин держать.

– Извольте, – сказал Виталий, подавая локоть, и подумал, вот какое красивое слово довелось выговорить.

– Будем на ты. – Катя тронулась медленно, голова ее взбодрилась и обрелась осанка. – Коля с его мамой прислали письмо. Сильно тебя благодарят... Между прочим, приезжали те знакомые, там получились обстоятельства. Но я хочу рассказать об одной вещи. Помнишь, я обещала?

– Угу, – согласился Виталий. Он помнил.

– Это в Питере происходило, уже слепой была... – Тронула волосы. – Я ведь зрячей пожила, в двадцать лет зрение потеряла. Но об этом потом, я тебе все расскажу, потому что люблю рассказывать... Вот. Мне один человек встретился...

– Подожди-ка, – рьяновато перебил Виталий, – я попробую. Болезни гадала, либо судьбы какие. У тебя, я знаю, пальцы ловкие.

– Глупости... Впрочем, болезни я умею отгадывать. Ты, например, инфарктом болел.

Виталию угодило:

– Черт, было дело. Давай, заворачивай дальше.

Катя пустилась рассказывать о давнем происшествии. На вкус Виталия получилось и путано и содержанием неказисто, отсюда произнес, когда остановилась:

– Не верю я тебе.

– И правильно, вера человека унижает и расслабляет. Хоть я сейчас не лгу.

– А в бога?

– Разве что. Ну так убогая, – у-бога-я. Хотя... слепота многое открывает, ибо реальный мир воображение укрощает, а для слепого все придуманное. Захочу, ты принц для меня – даже если не ахти.

Виталию не понравилось, применил грубость:

– Что-то ты, девка, насобирала. Не клеится: то верить худо, то при боге, то принца затеяла – я возьму да гадости скажу.

– Не скажешь. А и скажешь, так сбрешешь.

Виталий задышал, задумался. И Катя молчала. Мужчина тронулся думать, что немотствует специально – ему не мешает. Отсюда и произнес:

– Давай так. О чем я сейчас размышлял?

- Нет, этого не умею. Да и не хочу уметь.
 - Это подходит... – Виталий вдруг расстроился. – Ты все-таки зачем зрение отдала?
 - Так – получилась нужда. Я сама время определяю, когда рассказать. Сразу все нельзя.
 - Ты не обволочь ли меня хочешь?
 - Очень хочу... Подозреваю, что смогу. Ты нераскрытый, я тебя отковыряю.
- Виталий начал злиться, спросил:
- Слушай, как ты угадала, что я вошел в комнату, на английский?
 - Не помню.

Совсем выпросталось солнце, над затылком Кати зазолотилась неприбранная паутинка. Интересно, подумал Виталий, как она причесывается и вообще прихорашивается. Улыбнулся, это слово в применении к Кате повеселило и повело неприглядные мысли.

- Если хочешь, можем покататься, – закинул румяно.
- Пожалуй.

Надо признать, безбоязненная и напористая манера женщины сильно поперечила начальному впечатлению и организовала в Виталии свербежь и любопытство. Первое и сыграло, когда увидел, как Катя в машине забросила ногу на ногу. Юбка ушла, открылась холеная манкая нога – прежде Виталий не замечал, что ноги у нее ровные, а юбка не такая уж скромная.

- Нога есть, если ты это имела в виду.
- Катя засмеялась медно:
- Я, несмотря ни на что, женщина. Это на будущее.
 - А на сегодня кто?
 - А кто? – улыбалась Катя.
 - Штука ты, – просветил Виталий с сердцем, – штукенция.
- Пуще засмеялась Катя.

– А что, – думал Виталий, едучи через пару часов домой, – трахнуть Екатерину – это мысль. Негритянку мечтал – было дело. О слепой, правда, не додумался, но все в масть. И пальчики-то чувствительные – врачиха недаром говорила – там, глядишь, пройдет, сям...

Возникали сумерки и, собственно, юлила дорога.

ВИТАЛИЙ

Самое детство Виталия Разуваева прошло не дерзко. Становиться мужественным его практически заставляли. Двор, где он рос, парнями населен был густо. Бывший военный городок, старшие поколения интеллигентностью не отличались – сплошь постармейские нравы. Среди молодняка жить нравственными принципами считалось неприличным.

Тогда все качались – физика была в почете. Соседи Виталия по дому, тройка амбициозных братьев чрезвычайно развитых физически, рано начали восхождение на поприще силы и заработали мощный авторитет. Виталий был невольно вовлечен в ареал воздействия. Приятельствуя с ними, обнаружил прелести власти и способы заработка ее.

Начал заниматься боксом, выяснилось, что присутствует удар. Братья «мазуту держат», сам бравый – сверстники, стало, уважают, девчонки мелькают взглядами. Смышлен, наконец – ген промышляет, учителя родители. Существой, не хочу.

Братья уселись рано, но Виталий уже набрал звук. В институт не пошел, хоть доступ имелся реальный – стиль жизни требовал денег. Было, поработал на заводе, потому как завод «оборонный» и в армию с него не брали. Что завод дал? Широту натуры обозначил. Широта натуры – это куча знакомств и мероприятий. Вот, скажем, сегодня Виталька проснулся у приятеля, а завтра на противоположном краю города, притом жмет к бедру горячая девчонка. Нынче в футбол парнишка шпарит за сборную завода, вечер в кабаке фор-

сит с гитарой на эстраде, очередную забаву путает, – а там в картишки шпилит, радушно принятый не очень знакомой компанией, как очень не последний человек.

Ресторан. Вечер. Компания человек в десять – девицы, парни. Танцы, брожение, обычная кутерьма. В фойе одна из своих наезжает на незнакомого парня (шалава – вечно из-за нее передраги). Тот дерзит – оказывается, местный. Ну въехал Виталий мальчонке в рыло, ушел, доука, в декоративную клумбу. Музыка, танцы.

Из ресторана, как известно, променад с песнями. Фуфырь для разбавки сумерек и нежнейшего зефира. Подышали в сквере у фонтана, на скамеечку присевши, и под горячительные разговоры. Вдруг вылетает из-за кустов кодро молодцев, да все с дубинами, да с ором непотребным. Давай охабачивать благоденствующих (как выяснится, тот, кого в ресторане обидели, отвечает). Крупно порезвились вражины, прошлись по головам и ребрам. Виталий двоих уронил, но и к нему прикоснулись – неделю башка и бока страдали.

Ну и что? А ничего, не те ребята. Вычислил парень сердешных. Поехал к парковским – знал тамошних по бильярду (Виталий зело играл). Народ серьезный. Назначил время, денег подал. Прошлись по улице, где супостаты существовали. Колотили всех подряд («уборка площади»), и беспощадно. Измочаленной персоне Виталий гневно пенял:

– Ты, пес, намертво усвой, куда мерзкую харю суешь. И каждому передай. Я – Разувай! Пальцем тыкал в грудь окровавленного непотребства.

Первая отсидка получилась глупейшей – и влип идиотски и отмотал беспонтово. Уже в такси работал (с завода ушел, поскольку армию избежал через фиктивную справку), посадил раз мало знакомых, но вроде бы ушлых ребят. Те поехали, денег не жалели, потом какие-то гнилые разговоры завели, де, хату одну поставить надо, порули. Виталий возмутился было: какого рожна ему светиться!? Ювелир, кричали ухари, хата продуманная – верняк, куш за сто отвечаем. Тут вот что сработало – слышал Виталий краем уха и про дядю, и про то, что квартиру ставить хотят. Ему как-то в жилу подольстили, дескать, ты со звуком, другого в долю за падло брать. В общем, купился Виталий как лошок. На ощупь поделъники оказались полными уродами. Вскрыть дверь они попросту не смогли. По-видимому, на раже тут же решили взять другую квартиру, не посвятив в намерения соратника. Якобы по делу подъехали к одному дому и вскоре вышли с вещами. Виталий догадался, но сделать уже ничего не мог. Номер машины был, несомненно, засвечен. Когда Виталий начал возмущаться, орлы мотивировали действия тем, что тот для ментуры крайний – пассажиров не знает: ему платят, он везет. Виталий поорал для порядка, но этим успокоился. Действительно, его вызывали, и всякой лабудой он отмазался. Однако придурки снова полезли в жилье ювелира, их взяли и начали разматывать по полной. Короче, они сами же сдали Виталия в расчете на то, чтобы, нагрузив на себя мелочь первой квартиры, скинуть крупную.

Любопытно здесь было следующее. Процесс шел неясно и срока Виталий мог избежать, просто отрещиваясь от показаний поделъников. Но делать этого не стал, – пошел, что называется, в сознанку. (Говаривал на зоне: «Я с воли по воле».) Причина? Он понимал, что срок дадут небольшой, именно такой ему... нужен. Он должен пройти это, как некий пароль. Переступить грань. Скажете, что за бред?..

Виталий давно видел, что чего-то ищет, но определенных контуров этого нечто узреть не мог. Тянет аромат простора, ветра? – нечего сказать, он везде легко находил общий язык, и недаром таскало по разным людям, местам, ипостасям. Может, влечет мутная стихия власти, славы? – и впрямь, он быстро умел внушить уважение, и это нравилось.

Упомнить начало непросто – разбери ее, психику. Как вызревал мотив, что склеивало судьбу? Романтические выплески шпанства, юношеской лихости? – кто не болел этим. Руку-то еще с детства набивал, валил с одного удара – было. Да и получал. Случалось утром разлеплять веки, раздутые возмущенными от насилия капиллярами, доводилось лепить до натурального состояния размякший от внешних забот хрящ носа. Не избежал корчится

от пожирающего страха. А задора было больше... Где научился впрыскивать отчаянье, падать в пугающую других и себя ненависть, откуда набрал чутье, предусматривающее суммарный результат ситуации и толкающее в кураж первого хода.

Тащило к машинам? Не сказать. Серьезный заграничный мотоцикл, полученный посредством немалых лишений и ухищрений, первая проба в достижении цели, не был добыт как результат непосредственного вожеления. Скорей символ градации, статуса. И в такси пошел, конечно, не из тяги к шоферству: там тогда крутились деньги, сосредоточились определенные люди... Начал, и крепко, играть в карты. Толкал азарт, риск? Отчасти да, но преимущественно тоже момент общности. В общем, сатана разберет. Судя по всему, его вообще влекла игра, – игра с людьми, если не с собой.

Властный зной амбиций и сквозняк резона, рассудочно-противоречивый зуд потенциала и незримый, но неиссякаемый шепот инстинкта почти безошибочно тянули в несправедливую, романтическую среду. Очевидным стало, что Виталий как бы боится чего-то не успеть, не ощутить, избежать. Наверное, отсюда постепенно выявилось, что ведет его некая вещь, которую допустимо обозначить как опасное преодоление.

...Дали год. Здесь в городе и завис на промзоне. Сидел, можно сказать, зря, ничего особенного не нарыл. Виталию двадцать два, голова на плечах, в разных кругах вертелся и порядки знал; плюс имя кой-какое в городе нажил и с авторитетами на ять беседовал – словом, жил в зоне прилично. Впрочем, какие-то уроки год дал. Он понаблюдал, например, что делает с людьми страх. Уяснил, что знание человеческого механизма делает знатока менее уязвимым. Еще кое-что – учил один крупняк, Гера Бызов:

– Ничего нет сильнее веры. Верь, и ты всегда победишь. Но в дрянь верит дурак. Если ты умный, придумай тему.

Виталий поверил, что способность внушать страх – серьезный залог успеха.

ВИТАЛИЙ-КАТЯ

В общем, припекало. Виталий урчал мотором в Нижние Серьги. Ну не загляденье ли мужик! Едет к слепой женщине, везет цветы, другую мелочь. Себя, мать вашу – со-бо-лезнует... Эва лиска степенной иноходью пересекла дорогу. Живи лиска, потому что неплохое это занятие.

Если же честно, то есть разговорец у Виталия. Собственно, и не разговорец. Интересуется сообщить человек некую штуку, тянет на откровения. Прочитал, значит, накануне гражданин книгу. Про Мастера с Маргаритой. В Кота, скажем, влюбился, но не в этом суть. А в том, что хочется высказать фразу, которая пришла – заметьте, слета, без правки – в воспаленное вещество. Стало быть, внимание. «Знаешь, Катя, странная вещь у меня от этой фантазмагии. Какое-то щемящее чувство... Особенно вот это – освещенный кипящим светом лунный путь, по которому идут непомерной красоты женщина и умудренный и величественный мастер».

А? Каково! Вы прикиньте, притуманенный взор, несколько присевший голос, и ветерок треплет расшалившиеся волосы. Черт, причем здесь взор, причем волосы, когда соперница незряча. Ну ладно, голоса хватит... За сорок мужику. Две отсидки.

Час оказался неурочным, человеки занимались бездельем – Кати в обозрении не существовало. Розовые халаты знанием не отличились и, бестолково помотавшись, Виталий полез раздражаться. Заныло спрашивать у калек – не видели ли, господа, Катю.

Ехать пустым домой, как человеку принципиальному, Виталию дюже не хотелось, и он пошел к речке – натурой насладиться. Здесь Катерину и углядел. И не одну. Примостилась на бережке, на травке зеленой, томная и изящная. Рядом в не менее томной позе содержался мужчина. Парочка.

Виталий откровенно психанул, это была, конечно, наглость. Он, Разувай, едет к недоделанной, цветы и мелочь купил заведомо, и... получите. Во-первых, как себя держать? Как бы и неделикатно нарушать randevu – не даром же голуби уперлись за ограду. Можно, естественно, свалить, но как же потом людей дурить – так и до благотворительности дойдет. Просится утопить товарища, да и Катку не грех, но измочиться придется. В общем, Виталий, посмеиваясь над собой и не унимая движения, перемещался к объекту.

Приостановился. А ну-ка поэкспериментируем, пойдем медленно и проверим, на каком расстоянии она почувствует – непременно должна среагировать. Вдруг пришла мысль, а не знакомый ли это, который должен был встретить? Внимательно вперился в фигуры. Нет, рядом с мужчиной лежала тросточка. Тоже слепец, курортный роман. Виталий внимательно воззрился в соперника. Хоть расстояние еще порядочное случилось, там было явно под пятьдесят. Ну совсем никуда. Я, говорит, люблю мужчин под руку держать – не сучка ли!

Почувствовали Виталия уже на подходе. И мужчина. Он повернул голову – скорей всего, услышал, хоть ступал Виталий возможно вкрадчивей. Катя вообще не шелохнулась.

– Приветствую честных людей, – ехидно произнес Виталий и стало ясно, что Катя его не угадала, ибо явно вздрогнула.

– Господи, Виталий, – знаете, даже как-то обречёно пролепетала мадам, – это ты. Как странно... Мы вот дышим. Это Михаил, познакомьтесь. – И, сохраняя позицию головы, слепцу: – Виталий, я рассказывала.

«Интересно, что же поведала, – подумал Виталий, – и вообще – откровения».

Михаил молча протянул руку. Виталий пожал – неприятная рука. Вот тут пожалел, что приехал, но сразу это убил.

– Очень прилично здесь. Красиво. (Назло получилось, ну и ладно) И воздух, действительно... Между прочим, вода здешняя порядочная. Даже деньги стоит. В курсе – нет?

– Знаем конечно же. – Катя.

– В одном из корпусов есть постоянные проживающие, они на этой воде и работают. – Это Михаил. Голос опрятный, свежий.

– Я ведь с вами посижу. – Виталий уже располагался. К Михаилу повернулся. – Кате я благодарен, здесь чудно. Не познакомились, я и не выбирался бы. А вы, Миша, откуда?

– Местный почти, из Первоуральска. У нас хор. Руковожу по мере возможностей. (Он руководит, сыграл желваками Виталий.)

– Стоящее дело, – как можно душевней сказал наш герой.

Михаил пустился рассказывать про хор, и шибко нудно. Намерения такого не присутствовало, а тут, уловив паузу, Виталий брякнул:

– Миша, вы меня простите, но я ведь за Катей с некой целью приехал. Хочу ее в город свозить, на одно мероприятие.

Михаил завозился:

– О чем же речь! Что ж вы меня слушаете.

Катя угодила решительностью:

– Я с радостью.

Виталию самому идея понравилась.

Пошли в санаторий, мелко и непринужденно разговаривали. На прощание рука Михаила стала нормальной. Катя ушла на сборы, а Виталий воззрился в пространства. Означеновал ветерок, Цельсий сподобил что-нибудь двадцатью, щебетало пернатое. Было никак.

О цели поездки Катя спросила уже в машине. Виталий подивился, что так и не додумался составить конкретный план – все природой умащивался. Так и распорядился с упором:

– Позже.

Уж к городу подъехали, сказал нехотя, досадуя на убогость фантазии:

– В ресторан пойдем, отметим что-нибудь... – И улыбнулся тут же. – Просто потащило с тобой побыть в иной обстановке.

Какая странная вещь, тон определил как бы зависимость, но главное – распространилось и на остальной вечер, и это оказалось отлично. Уже то, что повез в очень дорогой ресторан. Здесь Виталий бывал редко, и его не знали – вести в заведения, где состоял в завсегдатаях, по причине слепой Кати все-таки не хотелось. Мотив такой гульбы не понял – Кате роскошь не в зачет, с деньгами последнее время не масть. А вот так – соринка.

– Я тебе такое скажу, – двухместный столик, Виталий доверительно наклонился к Кате в полстола, – прежде, чем томат в теплицу высадить, ты приучи корень вишь расти. Витамин – он на поверхности. И тогда росток вертикаль будет осваивать. Япония. У меня батя садовод, он делал. Я, собственно, сам могу показать.

Вякала музыка. «Да и сбачаем, зачем нет».

Между прочим, одета Катерина была на букву зю, Виталию пришлось домой, за респектом заезжать. За ними явно доглядывали – респектабельный дядя и слепая женщина – и это оказалось весело. Но Катя впрямь была хороша, да что там, шарм трепетал, Виталий чувствовал это кровью – после двух, трех паек коньячных. Между прочим, танцевала ловко и в прочем держалась свободно.

Пару анекдотов рассказал – теперь это легко и модно – хоть обычно не любил. Превосходный Катин смех. Потребовал от нее – не согласилась. Через пару часов совершенно привык к ее слепоте, даже это и удобным оказалось.

– А, к примеру, с Геной Бурбулисом в паре в теннис играть – роскошный вариант. У меня первая подача для приема сложная. Гена говорит: раньше Ельцин так же играл – тот волейболист и колчерукий, и шлепал, сволочь, сильно и подло. Парная игра из того и складывается, первую подачу сделай отчетливо, а после плохого приема грамотный напарник разберется. Гена здесь мастак. – Вот такие вещи говорил.

Был момент, хотел про Маргариту с Мастером завернуть, все хитрил, посподручней пытался и... забыл.

А сейчас самое замечательное. Заходит, понимаешь, с компанией один знакомый коммерсант (вляпался таки Виталий), – дело уж поздненькое произошло, Виталий подшофе (Катя, прочим между, коньяком очень не гнушалась). Здравствуй, говорит, руку тискает. Объявляет Виталию бестактно:

– Что обидно, дамы у тебя всегда прелестные.

Так вот, Виталию тепло. Это Катя, дескать. Ручку коммерс треплет у прелестницы, к губам несет, мохнатым голосом доводит до сведения:

– Владимир Егорыч.

– Какое чудесное отчество, – мягкий голос Кати, тоненькая медная реверберация. Рука Кати творчески содержится в ладони мистера. И теперь: – А знаете что – вы, я думаю, медик. Что-то связано с головой, может быть стоматолог?

Взлет бровей у синьора-господина, побежали трещины от уголков глаз.

– Так это... э-э... да, был.

Испуганный взгляд ерзает, виноватый оскал рта. Ликующая рожа Виталия:

– Рекомендую, маг и чародей. Собственно, правнучка Гуддини. Собственно, с вас причитается.

Егорыч восстановился, душевно улыбается, розовые щеки докладывают о здоровье.

– Братцы, ну дуете же. Постой, Виталий, ну, это примитивно... Только погоди, откуда ты знаешь, что я был стоматологом? – Грозит синьор пальцем, хихикая. – Жу-ук.

Виталий в пароксизме искренности жмет к ушам плечи, руки на груди:

– Забожусь на самом, слова не произнес.

Опять удивление у Вовы, уже светлое. К Кате:

– Не понимаю, так мы с вами виделись? Извиняюсь предельно, запомнил, подлец.

– Видеться мы не могли, – Катя, – потому что я слепа. А как получается, не спрашивайте, объяснить не сумею.

Вот он настоящий испуг, потеря речи, шикарная минута. Голова от Кати к Виталию и обратно. Тик-так... Заплясали руки:

– Нет, нет. Давайте-ка разберемся. Что вообще происходит? Я, тем не менее, требую объяснений.

Хочет Виталий... А вон нехилая компания к столу зовет, однако в танце с Владимиром Егоровичем Катя плещется.

Еще закорюка. С Катей наперебой общаются, Виталий же все досматривает – без ревности, а чтоб лишнее не мелькнуло. И тепло к женщине. Уж и иной Катю в танце трогает, а Егорыч Виталию шепчет жарко:

– Вот это класс. Изюм абсолютный, рупь тринадцать. Как ты это умудрил? – мне бы и в голову не пришло... Да ведь умна. Ежели еще подобное спроворишь – сюда. На цене не устоим.

На прощание набравшийся Егорыч требовал поцелуя с Катей. Соприкоснулись щеками. Словесил.

Отъехали за полночь. По веселью думать не случилось, а теперь нужда, – куда? Привычная идея – везти к приятелю в сокровенную комнату. Почему-то не пошло, притом уверен был – не возразит Катя. Спросил:

– В санатории-то теперь примут? Часам к четырем доберемся.

– Отчего же, там бдителей нет, – верен и чист был голос Кати.

Не спросила, как употребивший Виталий руль держать будет – доводилось, видать, с людьми езживать. Сам Виталий принявшим ездить не стеснялся. И мобилизацией владел («руль не гнется»), и откупался не раз – что там, десятка деревянных.

Имел место кусок прямой дороги, безобразно чистое небо пульсировало звездами, жидкий свет луны лег на томное полотно, – черт, внедрилось в Виталия, мастер... непомерной красоты женщина... лунный путь, освещенный кипящим светом... Молчали. Хо-ро-шо.

И снова. Проводил до двери заведения – «дальше я сама» – поцелуй бы к месту, все-таки ресторан за плечами, ан нет. «Приеду через неделю» – всего-то руку погладил. Знал, при этом (сама открыла), ушла девушка – вода и огонь пройдены.

Домой не поехал. Завернул к реке, немного на бережке посидел, сигаретой подышал, и сиденья в машине развернул. Хорошо получилось нестерпимо.

Поднялся снулым, но бегло исправился – журчала речка, уже внятное солнышко парило недалече, мокрая вода приятно оморозила лицо – так славно сочилась меж пальцев, воткнувшихся в ласковый песок. Виталий сорвал травинки, одна остро секнула, сшелушив лишнее, оставил прочный стебелек с нежным опахалом. Обломил тростинку, без нужды поковырял в зубах. Хорошо, много пахло, стало быть, закурил. Потом поморщился, предстоял день, обезображенный густым от духоты полднем, деловая мура, и побежала прямая, подобно пробору официанта, дорога меж изборожденных полей, и мелькал обочь дырявый лопух.

ВИТАЛИЙ

После первой отсидки было. Один крутой местный парень – он работал по Москве, это вообще была привилегия – не ладили с тамошними. На разборки приехала бригада во главе с бывшим боксером, чемпионом мира; кстати сказать, выходцем из Екатеринбурга, не грех заметить, впоследствии получившим громкое имя, упоминавшееся в одном ряду с пресловутым Япончиком, не вред оговорить, убитом в годы беспредела в Нью-Йорке.

Итак, бригада была уже в Екатеринбурге (приехали они, разумеется, не только с поучениями – существовали немалые денежные дела). Чипа, провинившийся, постоянно пропадал на базе отдыха, расположенной на берегу озера Шарташ. Околачивался там и Виталий. Подъехал один из знакомых, предупредил:

– Каратай едет.

Чипа загрустил. Виталий тронул его (как часто уже случалось, решение свалилось внезапно – прилип к позвоночнику желудок, напряглись ребра), отвел в сторонку.

– Ты исчезни. Я Каратаю знаю, возьму на себя (действительно, Олег Каратаев до московского жительства был парковский и мало-мало Виталий его знал, посещая местную злать).

Тот хлопал ресницами, скулами сверкал.

– Гонишь или серьезно? Дело нешуточное.

– Отвечаю, – тяжело и окончательно надавил Виталий.

– Смотри, мне терять нечего, – решил Чипа и свалил.

Каратай приехал скромно – на одной машине. С двумя людьми.

– Чипу мне, – посоветовал безоговорочно, войдя в домик, где тот находился еще недавно.

Все молчали, Виталий встал и вышел из-за стола.

– Я за него.

– Что за шутки, – веко боксера дрогнуло, – я не имею настроения развлекаться.

– Олег, – хрипло, кругля буквы, сказал Виталий, – Чипа вел себя не в кипежь, вы сами борзнули. И я его не отдам.

Тот прыснул.

– Ты чо, флюй, опух? – зрачки его начали расширяться. – Ты кто такой?

Щека Виталия задергалась:

– Каратай, ты теперь не дома. Если можешь, сделай меня, но жопу тебе подставлять здесь не будут. Чипон – брат.

Бывший чемпион мира даже, кажется, похудел. Жужжала муха.

– Иди за мной, – коротко бросил он.

Когда вышли из домика, боксер пошел к машине. Подойдя к ней, открыл дверку и полез в бардачок. Достал бутылку водки и изумленно прокомментировал:

– Нда, такое со мной впервые. Выпей, парень, купил ты меня... Хотя я давно за тобой наблюдаю.

Второй срок пришелся впрок. Собственно, после него Виталий и зажил. Да и дело, по которому шел, получилось громким. Взяли инкассаторскую сумку.

Накнокал будущих подельников Виталий по картам. Шпиляли в одной компании, оказались двое из тамошних бывшими инкассаторами. Мыслей сперва не было, а просто приглянулся один парнишечка – в рот Виталию глядел, любил мужчина таковых. Словом, через пару месяцев пошли конкретные разговоры.

Большой воздух сорвать хотелось? Ерунда. Крупные деньги уходят практически так же, как иные. Нервы ласки требовали, в какой-нибудь мудреный узелок просились.

Виталий же план и разработал. Потерпевших, бухгалтершу и охранника, пришлось по голове тюкнуть. Женщине крепко досталось, в больнице отлеживалась. Вот и обиделась.

Как раз ей занимался приятель Виталия. Отвязанный парень наглухо, но водила отчаянный. Кличка – именно Раллист. Его-то через пару месяцев после прикосновения дама и углядела из троллейбуса. Не поленилась, выследила. Говорила на суде: «Ты же мне, бессовестный, овал лица попортил». Не в меру настаивала, чтобы Раллиста примерно наказали, и по просьбе присвоили гражданину одиннадцать лет.

Уведомить к месту, что хоть и посыпался Раллист и всех сдал, после отсидки (до звонка чалил) Виталий бедолагу пригрел, к месту определил. Да не в коня – по наркотным делам попер мужчина уже самостийно против уралмашевских. В лесу нашли с дыркой во лбу.

Характерный эпизод. Брали Виталия на квартире у любовницы. Там находилась компания, которая вообще о деле не знала. На звонок любовница открыла – демократия еще не добралась, людей свободно впускали. Виталий как раз в ванной прихорашивался, каверзы не ждал. На выходе под белы рученьки и приняли. Крепко трое держали, а руки у одного из оперов тряслись.

Дальше. На другой же день привели к майору в кабинет. Не следователь, начальник отделения. Майор за столом, Виталий на стуле поодаль (опять же – наручники тогда не в моде), сбоку старшина похаживает.

– Ну что, – глумливо интересуется майор, – недолго птичка щебетала?

Встал ведь, фигляр, прохаживался, руки за спину запустив, нравоучения затеял. Мол, Горбачев, просторы, кооперация. Расти, совершенствуйся... И без того Виталий не в себе был от незнания ситуации, – этот последнюю нервию истребил. Послал особь в крайние области. Тот зачем-то обиделся, начал неприличные слова твердить. Встал Виталий и жест сделал. Хорошо прислонил, сверкнули майоровы подошвы.

На визг ворвалась ватага мусоров. Везили отменно. После экзекуции ерзал над распластанным телом майор. Привередничал, держась за скулу и злобно ощерив зубы:

– Я же тебя, я же... – Брызгала слюна, горели очи. На подчиненных орал: – Я говорил, я предупреждал!! Почему здесь только один страховал?

В предвариловке на этот раз почти не держали, сразу на тюрьму отправили. В камеру впихнули полуживого. Первые дни в тумане прошли, а когда ожил, углядел на себе взгляд одного сокамерника – неважный взгляд, прямо скажем. Крепкий малый, Ваган – чем-то Виталий ему не угодил (не майорова ли забота?). Словом, принялся нашего доставать. От слабости поначалу Виталий терпел, а затем пустился гражданина заканчивать. Присутствующие, слава богу, от исполнения оградили и стали Витальку уважать. Согласно чему он и корешканулся с одним деятелем, который введет его позже в процесс построения демократического общества.

Пока дали Виталию девять лет, из которых вкусил три. Событий за три года отведал кромешно, поскольку хватом стал окончательно. К примеру, инфаркт. Собственно, оный и помог освободиться рано, ибо по-ушлости Виталий умудрил себе вторую группу инвалидности. Здесь друзья помогли. Когда Виталия прихватило, один кентяра очень острый ножик к горлу врача приставил и сообщил, что, если Разувай кончится, коновал следующий. Этому же лекарю и деньги на группу Виталий подавал. К тому же по разработанной Виталием схеме ребята на воле прокуроришку одного на компромат посадили. Словом, списали – без тебя, говорят, справней.

Здесь же в зоне человека до самоволки довел. Справедливости для: случай оказался единственным (бивал, другая вещь, часто и крепко). Вот что приходится признать – изводить отшельца оказалось пикантным. В повествование вставим.

Как «рэцэдэ», отправили Виталия в Верхотурье – край по зэкам крепкий: известно, что зона зоне рознь. И всякому понятно, нужно себя ставить. Это дороже денег. Вообще, основных варианта три: либо в опуск, либо в общее кодро, либо с поднятой головой. Последнее, разумеется, самое сложное и здесь тоже разные варианты. Существует целая наука: опытные люди пытаются узнать о существующих группировках, их весе, предпочтениях и стараются вести себя соответственно сложившейся иерархии (в лучшем случае примкнуть к самым крутым), имеются правила поведения, приемы... Виталий умел быть веселым, даже душевным. Кроме того, несомненно, волевым, не уступающим и даже отчаянным. Именно такие везде снискивают уважение. Вообще говоря, так и действовал Виталий по первой ходке –

вместе с реноме, приобретенным на воле, сработало. Кстати заметить, если на воле есть звук, до зоны любой отдаленности это почти наверняка доберется, но отнюдь необязательно зачтется. Так и случилось, нынче Виталий попер сходу и... не повезло, он рысям не понравился – попал не в тему, на дурной глаз. Его начали подрехтовывать, нужно было что-то делать. Виталий ночи не спал, придумывая, какую бы штуку сотворить, чтобы фарт поправить. Ходы не находились и наживалась злоба. На нее и попал один парнишка, мир его душе.

– Я тебя знаю, – прилепился раз, – Разувай ты. Мы жили в одном районе. Я в ресторане Центральном на клавишах играл, а ты посещал.

– И почему играл, – вяло вгляделся в парня Виталий, – о чем?

– За долю, – хихикнул тот (Гаврилой сделаем), – о ней же.

Потолковали малость, разошлись.

Там буча небольшая случилась, прибежал Гаврила, горячился:

– Роза (так Виталия кликали только очень близкие, и это секануло недобро), нашего земельного делают. Подержи мазу, ты мастевый.

Виталий пошел, что по понятиям вовсе не обязательно. Земляка уже поколотили – ничего необычного. Парень был из другого барака, Виталию и лицо-то его еще не пригляделось. Он сидел на земле, привалившись к стене хозяйственного склада. Периодически высмаркивал кровь, степенно ползущую из носа, в паузах мечтательно рассматривал рыхлое небо. С невысокой вышки, неподалеку, опершись локтем на перила, кволо лупился охранник.

– Повод? – лаконично поинтересовался Виталий.

– Профилактика, – поддержал форму парень.

Пламенно встрял Гаврила:

– Подкорытов. Он, сучий потрох, нас Свердловских ненавидит. Сам, гнида, городской, а кричит: вы лежалые, для жиру живете.

Подкорытов был на понтах, шумный. Шарбохался по баракам, там-здесь борзанет – фигура непонятная. Виталий повыспрашивал парня вообще по жизни: за что сел, с кем водится. Позже довелось Подкорытову к Виталию подъезжать с накатом, и наш его на базаре унял. Да про того вставил, ты-де, шибко не гуляй. Оказалось же, что протеже петушок, а заступаться за таковых – если не твоя машинка – гнусь. Подмарало конкретно и почувствовать дали. На Гаврилу он осерчал – да еще узнал: всего-то воришка наркотный – и стал гноить. Тут снова приключилась неудача – человечек оказался с характером и, оказав некоторое сопротивление, резко сорвать злость не позволил. Словом, нашло, замкнуло – такой внутренней, неослабевающей озлобленности он и позже переживать не будет. Виталий был физически и внутренне гораздо сильнее, издевался над Гаврилой планомерно и часто изощренно. Интересно, что некий сволочизм выпростался, азарт существовал. Видя собственную мерзость, пытался уговаривать себя, что это путь к постановке на зоне, предъява личности, но видел, что тащит нечто подспудное и неоправданное. Дико, что уговаривал Гаврилу кончить себя с сердцем, сознанием долга.

– Ты прикинь, – говорил глухо, исполненный ненависти, опущенному, избитому пареньку, – на кой нужно так существовать. Тебе сколько еще мотать осталось – три? Я рядом, жить не дам – такой я. Убивать самому? Неразумно, мне на волю надо, дела. А твоя жизнь не в корысть – спид, печень, что там у вас.

Когда привязанность кончился, нечто мелькнуло. Досада что ли... И после о парне вспоминал нечасто. Между прочим, вслух практически не упоминал. Прочего между, дела его особенно не поправились, побаиваться стали, а уважать – похоже, нет.

Коротко молвить, среди шелухи Виталий что-то имел, а среди человеков – разве не тревожное. Нервировало крайне. Пока не трогали, но наезд шел. Разрядка была неминуема, он ждал и помохивал. Выручил один знакомец, что прибыл недавно. Виталий его знал по городу, тот на Уралмаше слыл фигурой (позже станет одним из руководителей мощной

Уралмашевской группировки). Знакомы были касательно, но оказалось достаточно, чтоб сходу сойтись («одного трыва трава»). Он и поселил уверенность – двое уже не один. (Виталий понимал: неудача здесь состояла в отсутствии хоть малой опоры – крепкий люд, видимо по наущению авторитетов, его сторонился.) К тому же Белый любил карты, и они вместе по схеме сделали одного крутяру. Сделали корректно и получили пространство. Дальше уже по другим делам подняли голову.

Еще деталь о периоде – как раз с этой катавасии Виталий залюбопытствовал относительно психологических корней происходящего. Позже, лежа в больнице по инфарктным делам и получив замечательные беседы с одним интереснейшим собеседником, соседом по койке, который побудил совершать анализ поведения, набрел на совет почитать Достоевского, а именно «Записки из мертвого дома». Был поражен, насколько глубок, обширен писатель и зачастую созвучен собственным наблюдениям – в итоге приобрел уважение к книгам. Много после будет смеяться над собой, вспоминая, с какой гордостью, индуцированный атмосферой умных разговоров и жадным чтением книг в больничке (Виталий не стеснялся учиться – козырь), он полюбит выводить теперь кажущиеся глупыми формулы. Скажем, тогда особенно упоен был таким софизмом: симбиоз знания и силы – оптимальное орудие делания страха.

Ну да будет о было. Миновав исправительную стадию персонаж долго не жуировал, по наущению начальства – помните майора с подошвами – пихнулся в кооперацию. Вообще, на зоне ему на мудрых людей повезло. Скажем, кроме вышеупомянутого советчика, в больнице возымел Виталька в соседи бывшего мэра Сочи, подсевшего при Андропове за инициативу. Слушал толкового человека внимательно. Иных особей широких взглядов восприятием не обходил. Короче произнести, копнул сперва по лесу – соорудил кооператив из инвалидов – затем по компьютерам. Еще пощипал толику: один приятель по отсидке имел в Тольятти брата, вхожего в закрома ВАЗа, Виталий толикой не погнушался, съездил по наводке, запчасти кой-какие фарцанул. Там коцанет, сям. А тут вздыбился Ельцин – свалилось добро на рэкет. Деньги пошли не мерянные.

Очень понравился себе Виталий, когда слямзил одного банкира. Получилось со звуком в СМИ, ибо случился в Екатеринбурге этот опыт одним из первых, – хотя в прикосновении все обстояло довольно постно. Раздал Виталий друзьям по пестик (бригада его состояла в основном из парней, с коими в школе вместе учился), рассказал как поступать. Собственно, именно это и понравилось – полюбил товарищ разные планы сооружать (скрупулезно подходил, с фантазией) и в жизнь претворять. Закончилось едва ли не комично. Дело в том, что стырил гражданина Виталий совсем не для шантажа в привычном смысле, то есть никакого выкупа за банкира похититель требовать не собирался. А надумал в такой разудалой форме внушить богатею, чтоб тот в механику банковских дел ввел, вообще делился идеями – считалось, что данный экземпляр в своей сфере один из самых креативных – и чтоб покрутил на прибыль приобретенные суммы. В соответствии с задачей, на квартире, куда доставили перепуганного бедолагу, Виталий покрутил перед носом субъектика (так величал подопытных) макаровым, далее въехал под дых, после короткого размышления сунул дополнительно в сопатку, и затем присев рядом и предельно дружески обняв человека, приступил к разъяснению диспозиции. Банкир, сходу ухватив мысль, чрезвычайно обрадовался, заявил, что происходящее просто удача, ибо он давно имеет аппетит исчезнуть, поскольку затеял одно темное мероприятие, и сложившаяся ситуация куда как на руку всем присутствующим. Тут же изложил встречное предложение и, воздадим справедливости, его впоследствии реализовал. В итоге в результате довольно красочных манипуляций банкир окажется в Греции (там его по прошествии нескольких лет кокнут), и образуется у Виталия в оной же области радующий душу счет (около семисот тысяч уев). Вообще говоря, богатством попользоваться

так и не доведется, поскольку сложится дрянная ситуация с двумя крупными именами, связанными с этими счетами.

Теперь женитьба. А взял и женился. Собственно, почему нет – не он последний. Собственно, там и история была... Еще после первой ходки, шуруя по женскому полу, цепанул Виталий одну девочку парикмахершу (целость, между нами, расковырял). Глядела девочка самозабвенно. По этому случаю Виталий раз во хмелю на кражу сердешную сподобил, отчего поимела мученица невеликий срок, однако грех сугубо на себя взяла. На облик девица так себе была, и по возвращении Виталий за подходящее ее поведение здороваться не преминул. От такого обхождения товарищ забеременела, а поскольку Виталий повторно сел, написала письмо: дескать, ждать буду до смертного часа. Помирать Виталий не собирался и отсюда согласился, чтоб ждала.

Женился, однако, Виталий вовсе не на ней. Уже после второго срока лег в больницу – надумал профилактику по сердцу соорудить. Врач там прохаживалась красотой обильная. Виталий ее грушей угостил, а ночью в кабинет пришел с коньяком (дежурила обильная) и разговорился. Уступила не сразу, пришлось страшную рожу делать и слова бранные произносить. Потом подумал, что для профилактики здоровья хорошо бы даму дома держать и... женился. (Уведомить станет не лишним: к той что ждала – Валентина, вы уж познакомились – собственно, к сыну, похаживал.) Примечательно, что врача – пусть будет Машей – Виталий крайне полюбил, за что оказался на себя зол. И когда Машка снабдила его триппером (российские врачи, пожалуйста) стало ясно, что о профилактике не может быть и речи. Впрочем, за границу Маша с ученым, который ее наградил (российские ученые, пожалуйста), уехала отнюдь не по этой причине. Между прочим, фамилия этого ублюдка Огарков. А что вы хотите от человека с такой фамилией!

ОГАРКОВ

(письмо из США, 1999 год)

Женька, здравствуй. Вот уже времечко прошло от последнего моего звонка и причины того, что весточку не подавал, как говаривали у нас, уважительны. Вообще, после я писал, но на дурака. Уж мы убедились, что из Америки почта доходит только с оказией, однако таковой не случалось (жалко, что у тебя нет компьютера – впрочем, я это организую). Произошло, и вымещаю на бумаге все наслоившееся.

Прободала язва, валяюсь в богадельне (клиника для всяких) и наслаждаюсь ненавистью к конкретно всякому. Впрочем, наблюдения и даже обобщения, которыми чреват любой недуг, здесь имеют склонность бродить и вспухать в силу разномастного контингента и неизбежной для больниц откровенности.

Ну да постепенно. Вообрази себе, друг мой (черт побери, вероятно, я соскучился по России: кидает в классический слог), аккуратный до замысловатости домишко о трех этажах в пятисотметровую (уймем акры) площадь в густом окружении почтенных кленов, обширные прилегающие пространства с ухоженными аллеями и неизбежным солнцем. Вот тебе вещь снаружи.

Изнанка. Приблизительно как у нас. Не приблизительно: масса гигиенических помещений и они оправдывают название (здесь и душ и ванну можешь принять – американцы безбожные чистюли). Еще потолки низкие – впрочем, это много где. Ну да ты к аналогичного рода подробностям равнодушен. Следовательно:

– И американец и советский жили химерами. У американца это богатство, у советского – светлое будущее. Так вот, американец более несвободен оттого, что его призрак – ближе. – Такую сентенцию я услышал от одного представителя.

Однако пока оставляю, чтоб, несомненно, более развернуто вернуться. Итак, мисс Робертсон (до поры не знал имени, отчего-то здесь не принято фамильярничать с персоналом), молоденькая, склонная к объемам мулатка (метиска?) в умелой прическе. Улыбчивая до недоверия.

Р (помнишь? – так мы обозначали ремарку). *Уж я писал: есть мнение, что товарищи часто и непомерно жрут вследствие неврозов, точнее предупреждая их – сытость оглупляет, затормаживает.*

Собственно, и улыбка. Довольно ходка байка, что гримаса, созидая такую – профилактирует. Продолжение закона Джеймса Ланге, который гласит: человек не плачет, оттого что грустит – он грустит, оттого что плачет.

– Мистер Огаркофф (о-горкэв, звучит у нее – символично и мило), ваше время. – Стабильная фраза, умеренно теплая как скисшее молоко. Речь о приеме лекарств.

Как-то попало на душевный зуд, и я попытался язвить:

– И время отдавать в частную собственность – смело и уважительно.

Как же был удивлен, когда получил сдачу:

– Во времени человек способен только на прошлое, а это собственность.

Представь себе, смолчал. И не от такта – здесь, даже если пропускаешь женщину вперед, могут обвинить в неpolitкорректности. Повинна, к прискорбию, злосчастная видимость американского превосходства. Обидевшись на себя окончательно, на другой день понес какую-то галиматью относительно здоровья, которое чревато будущим, и получил отличный ответ:

– Ребекка.

– Дивное имя, тянет на что-то классическое. Другое дело, Олег на Руси тоже древен.

– Библия, как же не классика.

Одним словом, Ребекка – дочь одного из попечителей заведения, солидного бизнесмена (вездесущий блат, понимаешь ли – правда совсем не российского характера, ибо девушке приходится по-настоящему возиться). Учится на психиатра. На мой вопрос, что она делает здесь, ответила так: «Чтоб найти душу, надо знать анатомию». Как тебе?

Не могу удержаться: психиатры (как многие иные) здесь охотно делятся своим знанием, ибо оно – «право субъекта воспользоваться» им. А все, что связано с правами – реклама.

Права человека... не знаю, пока не раскусил. Что-то здесь есть непристойное – все-таки в обязанностях больше морали. Впрочем, право и справедливость однокоренные слова. В общем, про улыбку у нас случился разговор – мы уже делали славные беседы – и я втюхал:

– Не противоестественно ли улыбаться больным, которые серьезны и упрощены – глупо бедолаге скалиться с распластанной брюшиной. В конце концов, это оттеняет нездоровье пациента.

– И отлично, что неестественно – подчеркивает работу. Исполнение дороже и надежней того что настояно на душе.

Все-таки Ребекка согласилась, что в американской улыбке есть много от рекламы (стоматологи, кстати сказать, тут респектабельные ребята). Америка – это, конечно, рекламная акция. Начиная с кино, завершая развалом Союза.

Случился, тем временем, один из редких случаев снисхождения (не расцени как негодование) моей новой подружки.

– Ты симпатичная, – объявил я однажды, угадав в благостное настроение.

– Как ты посмел! Я – красавица!

«И стало так». В другой раз, когда посетовал игриво на ее несговорчивость – дескать, больным можно и попускать – получил, Ребекка повела меня, уж я передвигаюсь, на другой этаж.

Комната, сидят кружком коллеги, болтают. Нечто подله групповой психотерапии (тренинг сенситивности). К слову, нахожу в методе ущербность конкретного эскулапа, психоанализ за счет других, упрощенный способ отыскания точек опоры, логических зацепок... Ребекка аттестовала:

– Русский. Олег. Склонен не молчать.

Толкает заметить, опустила род болезни. Особого интереса я не вызвал, однако первая тирада, что выдал вначале эпистолы, тут и случилась. Ну да по порядку. Негритянка (извиняюсь, темнокожая – политкорректность, будь она неладна) шикарных форм – кажется, оные наиболее впечатляли меня – часто теребя платком нос, повествовала:

– Я не понимаю, отчего обязана жрать их кошерную мерзость. Доказываю Айку (Исааку – прим. моё): у меня несварение, я буду вынуждена отказаться от этих воскресных обедов. По нему, видите ли, весь цимес состоит в совместной трапезе. Ритуал. Мы-де столько боролись, чтоб меня приняли – даже помолвку не торопим... А если пучит!.. В последний раз ты выдала болеро Равеля, парирует он – было впечатляюще.

Она возмущенно замолчала. Мужчина в мирском, несомненный еврей – часто встречаю, он здесь доктор – не удержался:

– Нашли компромисс?

– Аик не переваривает Мендельсона. Я исполню ему свадебный марш.

Внимание, вслед этому она встала и преспокойно удалилась...

Тут вот что, всяк хозяин считает долгом упражняться и заводить у себя правила (в стране вообще на какой угодно предмет куча методик – здесь и конкуренция, и въедливость, и, вероятно, каверзы самооценки). Наш хозяин, Генри, парень моего возраста – имеет нрав обойти самолично всякого и потрепать по доступным частям тела – в этом смысле не отстаёт: обязал, чтоб в кружке друг друга не поважали. Психологическая установка, смысл которой я не уяснил – что-то с «протестной доверительностью».

Между тем:

– Не желаете сказать? – обратился один из присутствующих, жердеобразный и желтушный товарищ. Мне тон благожелательным не показался. Отсюда я и шутканул неловко, намекая на предыдущую особу:

– После тирады, судя по всему, исчезают. Я только пришел.

Здесь и случился пущен первый камешек – примечательно, сказано было до примитива по киношному.

– Здесь свободные люди. Вы можете поступать как вздумается.

Р. *С ними отчего-то говорить на тему свободы сторонюсь. Однако тут поизгаляюсь...*

Смущает меня следующее – темп жизни. Мы вот сачковать любим, да здесь на то неволен. Как с этим? – щербинка, прямо скажем. (Один эмигрант из Одессы – тут их есть – внушает «держат в котлах пар, быть на шухере» и вообще, «на произволе судьбы не ударять в грязь лицом».)

А я хочу ударять. Подлинная-то свобода как раз в том и состоит, чтоб, например, НЕ «выдавливаться из себя раба». Оттого и неприглядна... Хм, вспомнил у какого-то француза: «Высшая свобода – это выбрать рабство по своему вкусу».

И вообще, вспомни Сартра: обретение истиной свободы – обретение пустоты. Все-таки ощущение свободы и свобода не одно и то же. Деньги и вино дают ощущение, притом располагают к глубокой зависимости. По-моему, свободу мы путаем с доступностью.

Библия, общепринятый Кодекс жизни, десять заповедей. Практически все основаны на частице не, – не укради, не убий и так далее. Тора, Иудаизм, создавшие величайшую нацию, содержат более шестисот запретов. Человек стремится выработать правила общежития не для того чтобы выжить, как звери, а чтоб сподручней было двигаться,

обеспечивается таким образом комфорт соответственный цивилизации. Отсюда правила вынуждены меняться (Христовы заповеди оттого постоянно нарушаются). Свобода неизбежно регулируема.

Знаешь что произнесу – недаром привязал я Америку к рекламе, которая, как известно, блеф. И не напрасно рекламируют свободу тут столь навязчиво.

– Что проку в свободе – без штанов что ли по улицам шастать? – не воздержался я и там. – Или такая вещь: американец зачастую работу не выбирает, а... ищет. Потребности-то они ясней, а потребность в свободе – в конце списка.

Здесь и выдал тот пассаж с «химерами», дескать, русский свободней американца, один дядя. Правда, как позже выяснилось, он – мормон, волей случая оказавшийся в заведении (религия их строга).

Я попытался согнуть на несерьезный тон:

– Девушка, что удалилась, во всяком случае вариативней любого русского в инструментальном отношении.

Ребекка тоном пренебрегла, но мнения собственного не могла не оставить:

– Женщина ловчей и свободней мужчины, потому что инстинктивна. Интеллект – защита, инстинкт – природный механизм.

Не ожидал, а взялся предыдущий мирской доктор, и сурово:

– С женщинами, однако, никогда не считались. Существовал иудейский обычай – рожали над ямой, сидя на корточках. Если ребенок оказывался всего лишь девочкой, отец решал, следуя демографической ситуации, засыпать ли над ней яму.

– В том и дело! – возмутилась Ребекка и посмотрела на меня. – У русских есть поговорка – сила есть, ума не надо... Впрочем, с иудейским обычаем – чушь: попробуйте родить сидя.

Она невозмутимо задрала юбку, села на корточки и пошла объяснять, какие мышцы работают в этой позе. Подумал: «Номера-а!.. Свобода или клиника?» Словом, мне захотелось солидарности с мужичками:

– Женская потребность любви – жажда удобства: первичные эмоции привычней. Если мужчине нужна динамика, изменение, то есть творчество, то женщина статична, смена декораций ей достаточна. В этой связи, кстати: деньги для мужчины – средство, для женщины – фетиш.

– Глупости, – прекословила Ребекка. – Даже мечты мужчин о рае заканчиваются женщиной. Собственно, родить – сотворить – вот неосознанная цель мужчины. Все его подвиги – компенсация дефективности в этом отношении... Известно: капитальную часть времени воображение – свойство высокой организации – у мужчин занято сексуальными фантазиями, то есть возбуждением инстинкта. У женщин иначе. Вообще игра, женские роли во многом определяются четким пониманием этого. Мужчины высокомерны, в мотивы не вникают...

Шурует как по шпоре.

Вспомнился Ницше: «Воин любит опасность и игру, поэтому он любит женщину, ибо она – самая опасная из игр...»

Господи, как я ее ненавижу!.. Кого? Машку, кого еще...

Так к чему я? Когда тебе возражают (Ребекка, как выяснится, делала это специально), начинаешь укрепляться просто от присутствия. Иначе говоря, американские психотерапевты необыкновенно эффективны. Между прочим, порой безжалостны, рекомендуют, к примеру, наркомана безоглядно выгонять из дома. На первый взгляд не славно, на деле лечебно: дом – неизбежное содействие недугу, вне дома – борьба.

То что Америка благорасположена к человеку, без сомнения: богатство (заработанное) отчетливо наделяет великодушием. Мы с тобой говорили, российское хамство – оборона

обездоленных и ущербных (подростковая нетерпимость сюда же). В общем, чувство простора и защищенности здесь присутствуют.

Однако американец отнюдь не открыт, – разговорчив. Собственно, лукавства в стране достаточно. Подозреваю, например (домысел, разговоров на эту тему с протагонистами не имел), что бог для американца – символ удачи. Кстати, порой складывается впечатление, что к Санта-Клаусу они относятся серьезнее, во всяком случае на Рождество делают себе вполне грозные обещания... Опять же их жизнерадостность вроде бы религиозна, то есть коренная.

Считается, что нам психотерапевтов заменяет друг и водка. Заблуждение. В разговорах мы тонизируем себя – редко на самом деле слышим собеседника. А янки у психотерапевтов – учатся... Тут есть занятная штука. Создавалась Америка как социум изгоев, людей второго сорта, не нашедших себя на родине. Людей, в которых вера и чутье были сильны. И этот генетический момент работает... Психиатр научен – неэффективно говорить о том, чего пациент не знает; ему надо толковать известное, но которым тот не пользуется – человек не доверяет себе. Психиатр раскручивает на веру... Эриксоновский, иначе говоря, цыганский гипноз основан на установке, что цыгане – умеют. Мы склонны верить... Плацебо, пустышка. Сейчас при испытании лекарств делают так: берут две группы людей, одной дают настоящее лекарство, другой плацебо – для того чтобы отсмотреть медикаментозную часть, вычистить неизбежный психологический эффект.

Собственно, протестантская этика и сильна тем, что оставляет наедине с богом. Воспитывает веру, притом в себя. Православие с этой точки зрения неэффективно – соборность, толпа, хоть на заде да в стаде. Отсюда и лень. Еще и география: зимой делать было нечего, кроме как пить... Обрати внимание, зверски пахали в начале Советской власти, – оттого что веру сменили.

Подумал: менталитет, православие. Но октябрьская революция разрушила менталитет мгновенно.

Да что я тебя учу!

Знаешь, эта неугомная безоблачная синева угнетает. Чудится, что тут край всего – чарующая, утопическая пустыня. Свобода не отсюда ли?

Но впрямь, как раскованы, мерзавцы. Доложу по касательной: американец – артист природный. Сызмальства. Шоу – самое, не обойдусь без каламбура, показательное слово Америки. *Пришла мысль, что и кино американское интересней, умней потому, что янки им живут по-настоящему.* В общем, насчет свободы по гену – не нам чета.

Истинное христианство – это Америка? Чушь! Американская демократия – на пистолетах. А бога вспомнили, чтоб грехи замолить... Черт! Я, кажется, противоречу себе. Ну так я русский, та продукция.

Кстати, по поводу «из фильмов» – говорят по писанному. Как в кино, так и наяву – это сразу в голову бросается. От скудости языка, мне видится, и возникло мнение, что американцы не очень умны. Комиксовое мышление, клиповая, скользящая культура – несомненно дитя Америки. (Русский-то уж верно словом блудлив.) Не могу убрать мысль, что это от прагматизма. Собственно, информационный навал заставляет быть сжатыми. У них есть великолепное свойство – выбирать оптимальное. Помнишь? – мудрый из имеющихся вариантов *выбирает* лучший, умный *выбирает* или *придумывает* лучший, интеллект *ищет* новый. Нашему брату учиться на ошибках не дано, страсть к граблям, думается – абсолютно русская история.

А ну-ка вот с какой стороны. Мало где так сильна мода – чередование стереотипов – как в Америке. Не кровная ли тут тяга к стаду? Русский-то хоть внешне коллективист, но через язык – более индивидуален. Черт, туманновато!.. Между прочим, эффект толпы здесь дей-

ствуется люто – допускаю, сюда зарыты корешки патриотизма... Капнула еще мыслишка. Персонализм янки построен на страсти к деньгам, – это столь универсальное и вместе индивидуальное средство, что наличность – выделяет.

Сумбур, вижу, ну да потерпишь.

Образец в высшей степени смешного на их вкус анекдота (одна пампуха поведала, – как евреи у нас любят анекдоты о себе, янки своими особенностями бравируют (*special* – антоним *loser*)). Просит в аптеке девушка десять пачек таблеток от ожирения. Сколько же вы их употребляете? Пока не наемся... Смеялся.

А у меня, друг мой, спрофилировался – аккурат перед больничкой – некоторый роман. Итальянка, преминиатюрнейшее существо с невероятными глазами и хрипловатым тембром, ланиты, манящие к прохладе прикосновения. Распорядитель некоего замороченного фонда. Соседка по жилищу. Зашла как-то (спросила свечу – вырубился свет, это, как ни странно, случается), разговорились.

– Что за странную музыку вы слушали вчера вечером? Мне понравилась.

– Так называемая советская эстрада, – ответил я. – Между прочим, считается, что сближена с итальянской. – Уже знал, что она Изабелла Заморано, этническая итальянка.

Действительно, я тут спроворил записи советских времен и как-то под водовку престельно поностальгировал. Пупо, к слову, не слыхивала, знает Джанни Моранди. Немало популярен здесь Рамацотти.

В общем замутили поужинать и она предупредила (характерно), что пока способна только на дружеские отношения. Почему-то обрадовался. Однако: «Способен ждать», – улыбнулся я и, по-видимому, был не понят: такие вещи здесь воспринимаются серьезно. Собственно, когда расходились по квартирам, было сообщено, что Изабелла не удерживает дружеский период превышающий месяц. Своей реакции не осознал, однако дату ноготком полоснул.

Словом, роман отнюдь... с ее братом. А? как я тебя подогрел?

Таким образом был приглашен на обед в семью – обрати внимание, Изабелла снимает комнату, в то время как семейство, вкупе тот самый Чезаре, старший брат, живут неподалеку... Ну, не стану напрягать, Чез – музыкант. Изумительный хлопец, который живет под лозунгами такого, допустим, подобия: «Уж если ты появился, непременно помрешь». И вообще, мы друг другу явно понравились, и я часто таскался с ним. Даже посетил методистскую церковь, но буквы о другом.

Женя! – какие они профессионалы! На сколько, говоришь, мы отстали – пятьдесят лет!?... Знак доллара помнишь? Поставь его горизонтально.

А теперь внимай. Я неоднократно посетил кафе, где Чез музицирует. Даже попел – здесь это запросто. Осмелев окончательно, сунул свои записи. И ты знаешь, услышал от ребят неплохой отзыв. Более того, пару песенок они ударили играть, пусть и в дико адаптированной манере... Ни на что, разумеется, в этой отрасли не рассчитываю, однако не могу не думать: в какой стране мы родились?! Ты ведь знаешь, я пытался дома показывать – везде заведомое отрицание, заканчивающееся снобизмом, а то и враждебностью. Страх посягательства – отрывка врожденного плебейства. Здесь же – отсутствие авторитетов.

Жара. Никак не могу привыкнуть. Подумал... впрочем, это чушь... Странная вещь, никогда столько не думал. Несомненно, оттого что тебя нет рядом, – ты, подлец, на меня давил. Опять получается, я здесь стал свободней. Значит, все-таки они учат?

В общем, с Изабеллой имело место. Кху-кху (это я закашлялся) ... Короче, произошел ёк... Черт его знает, все было мило. Я конечно перебрал (с каким упорством убивает русский состоятельность – после маемся собственной безалаберностью). Кстати, сие был пер-

вый опыт в Америке. В Венгрии-то, я упоминал в давнем письме, замечательно довелось повоевать. Как ни странно, негатива не получил. За державу, однако...

– Оли, ты напряжен – расслабься.

– Насколько я помню, тут как раз требуется напряженное состояние.

– Сосредоточенное.

– И как же мне сосредоточиться?

– Попробуй поработать воображением.

– Стало быть, взять другой объект? – ты обидишься.

– Ничуть, важен результат. Сделаем компромисс, я помассирую, а ты воображай.

...

Я:

– Слушай, чудный способ – уже и неохота переходить к активным действиям.

...

Я:

– Любопытно, ваш брат занимается представлять для этих дел? Ах да, вам же это ни к чему.

Она:

– Занимается.

– Допускаю, что мужик набрал мускулы, чтоб компенсировать ущербность именно этого рода.

Пауза, рука Изабеллы уходит.

– Оли, ты страшно милый, но мне завтра рано вставать. Увы. Впрочем, у нас все впреди...

О боже!!

К месту, помнишь нашу теорию о том, что человек начал, фигурально говоря, сапиенснуть, когда ударился в секс (шире, гедонизм), превратил инстинкт продолжения рода в занятие удовольствием (кажется, только дельфины уподоблены)? М-м... там еще что-то было. Ну да: чтоб вставал, потребно воображение, развивается вторая сигнальная система – отсюда мужик и умней... Еще вспомнил: совокупление суть дискретное движение к совокупности, по факту – разрядка, призванная восстанавливать и наращивать потенциал.

Хм, мужик горазд на воображаемые штуки. Американская мамзель убранством напрочь лишает мужика происков. За исключением, разумеется, специально отведенного времени. И верно, нечего в страду глупостями заниматься.

В фарватере:

– Ответь мне, милейшая Ребекка, чего это у вас стриптиза столь навязчиво? Перегреваете мужичков неавантажным видом!

– Что за чушь! Женское тело совершенно. Дразнить (tease) – позволять завидовать.

Ужас, какие амазонистые.

Слава богу, разыгралась язва – это относительно Изабеллы. Впрочем, она меня посещает (будто бы почту носит) – так что, похоже, не отвертеться. Куча бумаг: реклама, предложения участвовать в фондах, акциях (здесь это модно и чтимо) – достали. Неизбежные счета, ни черта не спрячешься. Налоговые декларации – натуральное членовредительство. Нда, издевательство: «Социализм – это контроль».

Разумеется, тянет всячески их укорять. Пытаюсь. Да что проку – берешь себя и тоска. Можно, конечно, ударить, что безнадежно равнять такими категориями как социум, ибо известно (твои наущения), масса – самая независимая, а где и непосильная тварь. Впрочем, напомним – я в ненависти.

Зависть. Не могу понять, завистливы ли американцы. «Жить как Смит», – декларировал кто-то из президентов. Конкуренция, скажем, что как не зависть? Однако здесь это как-то... обрубочно. Они, кажется, вообще избегают отрицательных эмоций (жрут – уже говорил).

А кредитное насилие – уникальная же зависимость. Другое дело – тут деньги. Зависимость от денег – это вообще особая кухня (прочел, что психологи выводят деньги из... фекалий, то есть органического, первопричинного). Кстати, здесь считают, что ранний уход младоянки от родителей – своеобразная кредитная история.

Собственно, я колочусь именно за деньги. Подобно друганам. Зачем? Отвечу после, а пока учиню рассуждение. Да, американцы избегают экстремумов. Доступность защищает от пресыщенности? Хм, не проходит: жир напротив должен заставлять беситься. Именно отсюда Новый свет – самая благодатная почва для наркомании... Тогда, быть может, своеобразная профилактика? Возьми пресловутый трудоголизм. Смахивает, что это не самоцель, не реализация, а иммунитет. Хотелось бы говорить, что американец незащищен отсутствием высшей миссии: антропюга не может не понимать, что деньги лишь средство. Однако не русский же здесь прочнее. Впрочем, таковой всем своим позором созидает идеи, американец – реализует. Унылый бартер, прямо скажем... И вообще, друг мой, когда по душевной требухе настучат, фокус цепче становится.

Черт, поистине в Венгрии я ни о чем таком не думал. И еще – похоже, сами янки подобным не занимаются при бесподобной актуальности психоэскулапов. Снова видимость. Или прагма? Черт, я неприлично эклектичен...

Кстати, давно я обратил внимание, взирая в американский кинофильм, что они, питаясь как наскоро, так и основательно, либо вообще не пользуются жидкостью, или, на отличку нам, не запивают поминутно. Вот тебе причина. Во-первых, жидкость, пусть даже вода, сбивает вкус. Но главное теперь: первую обработку пищи должна производить слюна, она действует как желудочный сок (отсюда предлагают жевать хорошенько). Когда мы лишаем еду предвариловки, кислотность сока в желудке должна быть более интенсивной и, стало быть, добро пожаловать гастриты и последующее. Мне, человеку «язвительному», этот момент внушили с прекрасным пафосом. Но вот что замечательно. Непременно приукрасят подобную страсть какой-либо психологией: де, выделение кислорода в кровь при жевке особым методом обогащает мозг, плюс добывается особый фермент – и надолго – отчего добрее человек и располагается любоваться минутами, а дальше завернут совсем окаянную психологию. Таким образом, жуйте. Правда, в подобных наворотах они порой столь неумеренны, что «геитальт» станет противоречить «бихевиористу» и тебе. Я к тому, что здоровье рассматривают в обязательном порядке не как заботу о теле, а непременно синтез плоти и души, Ювенальский принцип «в здоровом теле здоровый дух» неукоснителен. Так что не даром психарям реверансы самые заядлые.

И прекрасно вроде бы, но как это скучно, когда тебе все объяснят. Действительно, остается лишь деньги зарабатывать.

Странное дело, фиаско с Изабеллой и возбудило впоследствии Олега. После больницы с Ребеккой перезванивались, пару раз обедали. Нынче заехала за ним и зашла полюбопытствовать. Тербила книжки, морщила не сочувственно милый носик, оглядывая помещение и намекая на убогость. Олег повеселел.

– Разве мужчина не существенней, коль неприятязателен?

– Слова – достоинство слабых.

Олег поиграл:

– А форма только утешение. Неизвестно еще – чье.

Пошли к авто. Ровные пласты туч, оскверненные жалким пятном солнца, отлично студили панораму, в зыбком воздухе висел скользкий бисер дождя. Собака с полуслепыми глазами, явная карга, равнодушно и судорожно лаяла в никуда. «Господи, как это по-русски», – звякнуло в голове Олега.

– Куда мне сесть? – спросил Огарков.

– Куда хочешь.

Почмокав задумчиво, на задоре рядился:

– Сяду рядом и стану тебя разглядывать. Впрочем, лучше сзади, ничего не будет мешать... Однако нет, рядом – больше обозрения... Или все-таки сзади?

Ребекка засмеялась:

– Зачем меня разглядывать, вокруг масса достойного.

– Ничто как облик женщины не тревожит воображение.

– Эй, товарищ! Оставим в покое воображение.

Тут и вспомнилась Изабелла. Олег улыбнулся:

– Оставить? Ни в коем случае, им хотя бы можно управлять.

– Ты озорник!

– Я – он.

После соития – с Ребеккой и произошло – Огаркова потянуло на русское:

– Отчего ты меня выбрала? – спросил, с удовольствием, надо признать, лаская кожу девушки.

– Мне показалось, тебе это нужно.

Олег сперва обиделся, но затем посветлел:

– Знаешь, у нас говорят: жалеет, значит, любит.

Ребекка грузновато повернулась, обняла, горячодохнула:

– Ну хорошо, мне надо. С тобой я заведомо независима, твоя травма охраняет.

Олег удивился, сначала достаточно безэмоционально.

– Какая травма, с чего ты взяла?

– Все знают. Ты во сне мечешься и имя говоришь.

Стало стыдно, даже отстранился. Однако задумался и присмирел...

Чтой-то меня порой на смерть клонит – желаю обзавестись. У тебя лишней не завалюсь?.. Абулия, паралич воли. Или русский сплин? – (русский сплин – ха!) ... Впрочем, тут они просчитались, бум жить!

Итак, стану заканчивать. Люди вынуждены были создавать аналог рая на Земле. Изладили Америку – поняли, человечество несовершенно. И все-таки.

Протестантская этика рождает уважение к другому (вот отчего у них любят богачей), это порождает жажду собственной силы. Воплощение – пистолет...

Американец благоволителен на своей территории (иллюзион мудрости, психология пенсионеров) – на деле власть и превосходство. (Справедливости для, социалка здесь – «паблик гудс», общественные блага – за всю ботву, как говаривал мой друг и враг Виталий.) Отсюда в полный рост встает штукерия – янки дает узреть, что такое остальной. Отчего-то мне прежде чуждой казалась простая мысль о точке отсчета. Помнишь? – Христос выдуман для того, чтоб было откуда идти. Америка всю показывает взвешенное направление движения человека соответственно управляемости социумов и потенциала личной свободы в исторической перспективе. Тоталитарная самонадеянность (свойственность плебса) и замешанный на прогрессе и цифре индивидуализм американцев, надо признать, более крепкий симбиоз, чем прочие ущемленные издержками архетипа и прогресса же конструкции, – в том числе рефлексия русских. На данном этапе это выражается, по-моему, в простой

формуле: не счастье, а комфорт. Рано мы погнались за счастьем. Другое дело: а что же вообще оно такое, и отчего его хоца!

Подумал: комфорт лишает тренинга, кропотливости, уважения, ответственности. Свобода должна действовать исключительно в рамках созидания, когда этого нет, она греховна.

Ты знаешь, что мне сказала как-то эта сволочь (ну да, Машка)!? Счастье – это блики земного света на обратной стороне Луны. Помнится, в тот раз она была в лоск пьяна...

Прекрасно понимаю, что словеса мои риторичны и пристрастны. Пилевать... Так вот, похоже, я окончательно увидел себя голым.

Маша. Там был угар, от которого, боюсь, окончательно не избавился. Однако многое стронулось, раздвинулись веки. Именно благодаря Америке, ощущению толстой кожи, боль приобрела четкий рельеф. Я отыскал ушлый ракурс, и вот что возникло на экране... Есть я – элементарная бездарь и феноменальный удачник. Вся моя жизнь – череда заведомо бесплодных попыток самореализации и невероятного, застилающего зрак и оттого держащего на плаву фарта. Я – щепка. И теперь, нагой и спокойный, кое-что понял.

Да, товарищам выпал оптимум: география, религия, прогресс огнестрельного уровня, наконец склочность иных. *God's own country* – вотчина бога. Избранники. Тот, кто додумался до этой формулы, был крупный не дурак.

Национальные интересы Америки: дом (собственность), машина (дорога, движение), ружье в багажнике (право). Порой кажется, что цивилизация мудро ведет к невежеству, ибо, во-первых, совершенство – безобразно, и потом, узость оставляет дорогу. Искусственность и сусальность американского мира очевидна. Но мы живем в мире визуальности, что заменило мечту и окончательно воплотило зримый образ. Как ни дико, мы и бога имеем в виду оттого что визуал заполнил все.

Да, Америка – самая Великая страна, ибо воочию демонстрирует существенную особенность мира. Целе-устремленность. Вот корень. Уже в Писании найдем: стучите и отворят вам. В Коране сказано: «Ничто не будет зачтено человеку, а только его усилия». Русский ищет цель (русское «Кто ищет, тот всегда найдет» на самом деле – литературный курьез), американец ее – ставит. Ребята говорят: «Бог дает тем, кто просит». Толково, умеют читать и слышать – собственно, эта парадигма сделала Америку.

Так о чем бишь я? О том, что впервые в жизни поставил конкретную, вымученную, нажитую цель. Ты помнишь, с каким трудом, кровью, не умея сопротивляться любви к Маше, я бросил Кешку. Возвращаюсь – все, что осталось, хочу положить на него. Вот оклемаюсь, разживусь на будущее, и ждите. Твое Олег.

ВИТАЛИЙ – КАТЯ

Первая близость с Катериной случилась в день солнечный. Отметим поддающееся счету кол-во облаков в очень приличном по колеру небе и соотносимый с благорасположенностью ветерок. Приехал к ней Виталий после эпизода с рестораном дня через четыре, и этому предшествовала некая психологическая фигура. Уже упоминалось, что Виталий был человеком порядочно раскованным. Он не пытался ломать собственное настроение, по опыту зная, что так в итоге будет более продуктивно, ибо любой зажим вызывал в нем странные, иногда стопорящие, иногда необузданные реакции. К Кате ему захотелось ехать на другой же день. Впрочем, возбуждалось желание больше и не образом женщины, а, судя по всему, речкой. Влекло созерцать ее славный ход, угождать глазу окаймляющей природой, трогать слух покойными звуками мира, – да, в присутствии Кати, желательно немом. Он ловил на лице улыбку, когда в воображении заставлял себя стоящим подле реки с всунутыми в карманы брюк руками, с бодро приподнятой головой и с Катей, обретающейся отчего-то чуть поодаль. Так вот: первый же позыв ехать он неумолимо уничтожил. Замечательно, что

такая история толкнула к размышлениям о собственной внутренности и извлекла предположение, что, не тот ли здесь случай, когда пробуждается отчетливая слабость и любопытно дать ей волю, и что вообще все это весьма странно. Впрочем, ехал Виталий в Нижние Серьги с желанием простым как слюна – приспичило поболтать.

Болтать, однако, Виталий не стал, а повез подругу километров за двадцать от санатория, в местечко – дивные речные перекаты в еловом лесу – которое доводилось пользоваться по молодости. Даже и не пришло в голову, что освоить красоты Кате не по силам – по большому счету и не до нее было – а что действительно происходило, так это улыбался, меряя автоматическим взглядом текущее полотно дороги. Он нашел это местечко, упокоился, проносил:

– Я тебе так скажу, фильм этот отменный, и артисты замечательные, особенно главная роль... Скачки фамилия, а имя не помню, она часто снимается... Понимаешь, всегда в жизни чего-то не хватает и искусство там, литература, нам, вероятно, это восполняют. Элементарный ведь сюжет... – Виталий пересказывал содержание фильма (заметьте, из машины они так и не выходили). – Кстати, перевод названия фильма, по-моему, сделан удачно. Соль на нашей коже... непременно соль.

Он положил руку на ее бедро – жест, если откровенно, непристойный – только Виталий его не заметил. Прямо сказать, и не знал, зачем это сделал. Различил авторство жеста, когда Катя положила сверху свою ладонь – надо думать, соглашаясь с правомерностью руки Виталия. Вроде бы она и поцеловала первая.

Внешне все выглядело, право, нелепо. Только что Виталий был вдохновенен. После первого же поцелуя полез расправлять сиденье. Катя смиренно отодвинулась, проникнувшись деловитостью Виталия. Послушно легла, управляемая мужчиной, лицо имело адекватное происходящему выражение. Без белья ждала, когда следует раздвигать ноги.

Первая мысль после соития – уже улеглась апатия – произошла дурацкая, видела ли Катя член в натуре. Он промолчал и смущенно засмеялся, хотя никогда не стеснялся подобных вопросов, и получил:

– О чем-нибудь интимном хотел спросить?

Виталий возмутился:

– Слушай, я что теперь и думать должен выборочно? Ты прекрати меня прессовать, не то я специально только исподним начну мыслить.

– Я не против. Знаешь, для слепых неприличного не существует, думаю, и вообще для инвалидов, потому что уродство само по себе пошлость.

Виталий похорошел.

– Перестань ради бога. Ну какое уродство, ты очень ничего. Я вот сейчас лежу и тело твое осматривать занимаюсь. Отлично, скажу я, что ты слепая. В общем, чтоб больше не слышал.

Страшно симпатичным оказался ласкающий, виноватый жест Кати – несколько прислонила голову и погладила его локоть, – стандартный жест, но милым получился до невозможности. Некоторое время Виталий лежал молча, далее попросился звук:

– Понимаешь в чем дело, я женщин не люблю. То есть люблю, но не уважаю. Поэтому грубым случаюсь, ты имей в виду. – Виталий задумался. Пальцы его нежно шевелили волосы лобка Кати. – А вообще, я, пожалуй, обходительный, с вашим братом уживаюсь. Поколачивать, конечно, доводилось, однако опосля подарки дарю.

– Тебя женщины обманывали.

– Опять, – сердито выдохнул Виталий. – Я, похоже, тебе подарок не стану дарить.

Катя приятно, легкими засмеялась. Сказала:

– Ничего особенного, все обманывают. Женщина сугубо. Потому что она не лжет – женщина живет чувством, а чувства морали не имеют... И между прочим, в тебе женское есть.

– Женское? Во мне? – Виталий сердито фыркнул: – Ты, девка, двинулась.

– И ничего дурного. Скажем, что есть женская интуиция? Никто не ведает.

Виталий вспомнил, что поощрял собственные предчувствия, настырничал:

– Все вы, бабы – дуры, а если ты умная, то и дура, что умная.

Катя засмеялась:

– Отнюдь не так. Жизнь – игра, и все любят выигрывать. Отсюда мужики приветствуют женскую глупость... Я не дура и притом ущербная. Такое сочетание и нравится, потому что дает имитацию силы. Я часто наблюдала.

– Не дура, часто она наблюдала. Кому нравится упоминание о предыдущих? Мужики любят верных.

– Это вовсе ерунда. Верных хотят при себе – иметь. А предпочитают другое – ревновать, например.

– Слушать тебя, сплошное огорчение, уже потому что говоришь уверенно. Не дай бог еще и права, а право у бабы одно – лежать на раз.

Он шутливо взгромоздился на Катю, пошел целовать. Быстро и ненасильственно добрался до вожделения. Однако в процессе, увидев, как странно поползли зрачки Кати вверх, обнажив холодные бельма, невольно засмеялся и пришлось отвернуть голову.

Издавив, наконец, коитус и обзаведясь прострацией, рассмотрел зуд спины – комары попользовались. Виталий сел, почесал очаги, пустился разглядывать Катю. Ладное, обработанное пронирыливым лучом солнца и затейливыми тенями тело – лакомство неучтенного (вороватого?) взора. Затусшевывался начинающийся жирок, гладкий живот нежно и распахнуто мерцал. Вдруг вспомнил, что недавно Катя его в женском заподозрила. Тогда грозно ответить упустил, а теперь возмутился:

– Ты говорила, женское во мне есть. Ну-ка, по буквам!

– Инстинкт хищника.

Виталий помолчал, хотел умное изобрести, но передумал:

– Слушай, вот ты смелая, дерзкая. Это от ущербности. У нас на зоне немой был – злой, собака.

Катя тоже села, наготы своей она не стеснялась (знает, дрянюшка, что лепо выглядит, подумал Виталий – мужички внушили), затеяла прибирать волосы:

– Какая разница отчего. У тебя натура мамина, так что теперь, ломать ее?

Сволочь, ласково подумал Виталий, и зачем-то набрался весельем:

– Нет, верно – ты злая. Я тебя, пожалуй, полюблю... – Виталий поглаживал спину Кати, имел шикарное самочувствие. – Ты почему про жену мою никогда не спрашиваешь? Вообще о семье?

– Тебе это надо?

– Слава богу, хоть один вопрос задала. Я думал, у тебя только ответы.

Катя опала, прижалась к Виталию, позвоночник стала гладить.

– А ведь я позже поинтересуюсь, ты расскажешь? – кошачьим получился голос. Им же было спрошено: – Тебе со мной понравилось?

– Как с родными повидался, – последовал умиротворенный ответ. И все-таки она баба, хозяйственно и пригоже подумал Виталий.

Гуляли. Было благостно вести Катю – собственнически повисла на локте, пальцы ее играли, то ослабевая и прилежно тепля кожу мужчины, то резко, но опрятно напрягаясь. И сам Виталий соответствующе либо примораживал, либо делал резвее поступь. Резонно журчала водица, путаясь в мелком, каменистом и задорном русле. Солнце было перпендику-

лярное, и ели располагались ответственно и зелено. Было удобно поминутно поворачивать голову к Кате, шла сбоку-сзади, смотреть в ее лицо и улыбаться.

– Такое мнение тебе выражу, я – рыбак, и на подобных речках берут пескаря. Рыба не ахти на вид, но на вкус баска... Вот ведь рыбалка. Глупость, казалось бы, и рыба-то не впрок, а азарт существует. Природа человеческая – да? Ну-ка съязви что-либо на этот счет, не дура.

– Я рыбачила, понимаю. И люблю... Веришь ли, когда зрячей жила, многого не делала. А потом довелось – рыбалка, к примеру. Тоже каверзы пути.

– Все-таки член-то живым видела?

– Ну тебя, – стыдливо потормошила двумя руками Виталия, и это очутилось таким живым и отличным, что он обнял Катю, носом в щеку сунулся.

Оказалось приятным рассказывать разные глупости. Зачем-то стал докладывать, как совратил давно на этом месте девчонку. Закончилось randevу так:

– Тебе когда в Саратов уезжать?

– Скоро, неделя еще.

Виталий подумал, что вовремя затеял приставать, и сообщил:

– Я так понимаю, можешь и остаться, английским, допустим, руководить.

– Могу, если тебе надо.

– Ну а чего нет, удобно.

– Ты, выходит, подумай тщательно, потом скажешь...

Домой Виталий ехал пусто. Солнце, редко изловчившись, ныряло в правое боковое зеркало и тащило к себе взгляд. Шуршал асфальт... Еще. Обнаружил в кармане конфету – привез Кате дорогих развесных под шампанское (коробки терпеть не мог) и сунул несколько для нее в карман, когда гуляли. Развернул и съел...

Вечером следующего числа забавлялся с Варюшкой. Существо лазало по отцу, ковырялось в нем – это очень нравилось, и девочка, надо думать, чувствовала. Мельтешила Валентина, зудела относительно соседа:

– Козлина очкастая! – Валентина упирала руку в объемистый зад, голос наделяла гнусью: – Вайдосит: вы, милостивая сударыня, найдите, наконец, уважение к сожителям. Сколько можно пробираться в квартиру сплюсываясь! (Валька надысь приобрела новый кухонный гарнитур, а старый попросту выкинула на площадку) С-сучара прокисшая, я ему покажу милость.

– Подожди ему дверь, скажешь, я разрешил.

– Так она металлическая. Слушай, трахни его бабу...

Варьку Виталий обожал чуть не буквально. Любое ее желание было закон. Он и домашним внушил, чтоб девочку не ограничивали. Говорил откровенно: «Пусть будет стервой, так и нужно. А судьбу я обеспечу». Примечательно, что сына воспитывал противоположно.

Внезапно отлепил дочь, вышел на кухню и стал нажимать кнопки телефона.

– Володя, ты? – сказал на голос в трубке (это был Егорыч, коммерсант из того вечера в ресторане). – Как ваше скрупулезное ничего?... – И после дежурных фраз: – Помнишь Катю Слепцову со мной?... Ну да, да. Ты серьезно говорил о интересе к ней?... Короче так, если что – я за тобой ее оставляю.

Нынче вечер Виталий провел дома – такое случалось редко. Валентина приготовила едкий ужин. Выпили, ночью она разогнала, и супруг хорошенько благоверную прогрел.

В этот раз день тускловатый. Тучки беремененькие, но опростаться не спешащие. И шибкий, настоящий на волглости запах елей. Виталий и Кэт идут по изнуренной тропинке, и рваный шелест хвои заигрывает с голосом мужчины:

– ...Да таких и не надо мордовать. Покажи человеку, что у него есть шанс, и он потянется. Но не всегда это просто... Проще всего с дураком. Этот не знает, что ему нужно. В репу дал пару раз и поймет чего не нужно. А поскольку не знает что нужно, он твой... Самый сложный тот, кто слаб – от слабости люди большие глупости делают, а глупость непредсказуема...

– А сильный? – Катя слушала, лицо к Виталию стремилась, держалась за локоть цепко обеими руками.

– А кто такой сильный? Слабых повидал, но сильных... Есть комли, упрямые как несчастье, так ломали их что сирень, потому как весело... Понимаешь, авторитет наживается не силой духа, либо беспределством. Как раз не так. Соблюдай порядки, а остальное – удача. Ведь на разных зонах и порядки разные. Попадешь в дерзкое молотилово, ведешь себя по понятиям, авторитет сам придет. Коронуют подчас полных уродов. Удача... Почему среди воров чернота в основном? Они с детства по понятиям растут. Этим и сплочены.

Добавил в полифонию запахов терпкий смачок сигареты.

– Есть такой вор, Зима. Рысь – на российском общаке сидит. Он меня знает, я в эту кухню строгие лавэ посылаю... Вышел у меня с одним дядей конфликт по хохольским делам, дескать, я на его поляну сунулся. Вообще-то как раз наоборот было, да не в том суть. Я в Москву Зиме звоню: что, мол, не так сделал? Если накосячил, убивайте, если нет, я не банщик из Фрязино. Приезжай, кричит. Еду один, денег с собой бурдюк. Встречают люди, к Зиме везут. Сидит из себя сам. Ты, говорит, на Украине чешешь по пыли, есть недоумение... Открываю гаман. Словами разговариваю: давай в фас, Зима, Катугин столько несет?... И все. Делай вещи, сказали мне. Потом узнаю – фарт. Катугин на других делах заборзел, и вообще я к Зиме в голодную минуту сунулся... Жил потом, как кот Матроскин. Меня даже смотрящим в Якутию по алмазам хотели пихнуть. Отказался, там долго не живут – очень красивые они, алмазы... А теперь Зиму раскороновали, плетеные дела, и я посыпался.

– Жалеешь?

Виталий пожал плечами, посмотрел на Катю:

– С одной стороны, у меня столько в жизни случилось, что жалеть о чем-то просто неприлично. С другой, у меня в жизни столько НЕ случилось, что жалеть о чем-то совсем неприлично.

Звенела в запятнанном небе дюжеголосая птица.

– Ты убивал?

– Как сказать... вернее, сказать не будем. Лучше спроси, как с женой тем-этим занимаюсь.

– Страшно, наверное, убивать.

Виталий улыбнулся:

– Наверное. Впрочем, человек – производное бога, он должен уметь все... – Посерьезнел. – Сложно на зоне убить, потому что там непременно узнают, кто сделал. А случай расскажу. Один шалый парня придавливал, так парень пришел к тому в киндейку и отверткой сердце испортил. Потом молотком прикоснулся и еще двумя разными предметами. Просто, вроде бы, а Ватсоны четверых сообщников искали. Парня потом удавили, а ведь никто не знал.

– Но ты же знал!

– Я знал.

Немножко справа от пряменькой елочки торчал лысый куст неизвестной породы. Виталию. А особь в розовом халате, тем не менее, в корпус входила – гуляли-то по парку санатория. Высунулось светило, и сонмы бликов составили небо. На переспелом газоне заартачились крупные пятна тени. Из некой молекулы мироздания, наверняка нетрезвой, проистекала благодать.

– Женщина примитивна в принципе: она – обладатель. Обладать миром... Единицы измерения разные: одна мир деньгами меряет, делопутка, другая членами, шлюхи, третья, которая самая, вещами – женщина семьи. Всё – вещи: муж, дети, прочее... Мужик, впрочем, такой же, но лишь в отношении женщины. Он хочет, чтоб вещь, баба, была красивой, чи удобной; женщина же, чтоб мужчина и прочее, были дорогими. Однако мужик еще и даватель. Баба – нет.

Аплодисменты! Венок из... на худой край из полевых цветов. А Катя – нет бы спросить кто она – левой хучком по поджелудочной:

– Расскажешь, которая тебя обидела?

Вы, естественно, поняли, все досталось от Машки. Исходил Виталий, что говорить, в период расставания с любимой нервом. Пылал фразами, потому как кулаком достать не мог, – чуял, так разрушит лазейку. Попил тогда крупно, а на пьяной голове любая мысль силу имеет. Язвить хотелось, высказать в лицо нечто умное, вот и изобретал. И говорил. Глупости, конечно, потому что больно... И поступают ли подобно Кате нравственные люди? Занялось в нервном тике у Виталия веко, но произнес:

– А ты проще остальных, потому что мир твой темный и не знаешь, с чем тебя кушают.

И все равно Катя полезная, не стала смеяться. Даже под руку Виталия не взяла, шла рядом достаточно уверенно.

– Мужчина, даватель, как ты выразился. Ты же, я так поняла, берешь только.

– Я – перераспределяю. А ты помолчи пока.

Все-таки улыбнулась, помолчала. Но недолго.

– Ты судьбой доволен? – Это вопрос, если вы заметили.

– Нет, и сильно. Не прочухал я, где мое место.

– Ну-ка?..

– В ФСБ. Страшно уважаю. Какие бы я там мерзости плел!.. Рассказываю. В Хохляндии дело было. Набарагозил я там изрядно и, разумеется, в интим с ребятами вошел. Короче, закрыли меня, бронхи поласкали. Да что мне – не было, кричу, фалов... Держали четверо суток в одиночке. На пятый день приводят собаку. А вещь такая. Был у меня годовалый ротвейлер, Чак, шикарная псина. Вот его и всунули – развлекайся-де. Я без задних мыслей обниматься к дружку, а парень ну меня есть. Так и не знаю, то ли они его не кормили, то ли пакость какую дали... Он, собака, хавет-то человека не по-людски. Зажевывает как-то. Вот сюда ухватил и пошел к плечу. – Виталий разазартился, забылся, начал показывать на руке. – Я думал, сожрет. Упал как-то удачно, на горло его – дыхание, видать, перехватил. Отпустил. Сел, сволочь, в угол, смотрит влюблёно. Понравилось мне, ушлики ребята... Словом, засадил душу, продал людишек. – Виталий лукаво посмотрел на Катю.

Катя взгляд почему-то не увидела и произнесла:

– Ты так легко об этом говоришь, это неожиданно.

– А пусть боятся. ФСБ не напугаешь, но остальных можно.

– Да убивают же за это.

– Есть такое, – ему сейчас нравилось, – но, скажу я тебе, не сильнее, чем до смерти...

И вообще, Виталий любил врать. Обманывать – само собой, но нет – врать. Тут требуется артистизм и ни в коем случае не чувство меры, ибо оно урезает простор для интонации, жеста, взгляда. О мысли просто не говорим. Врать треба азартно, это игра... А нечего в душу брызгать и на самое брать... Иными словами, лгать надо всегда. По простой причине – чтоб не верили.

Еще один куст, снова порода неизвестна.

– Я что-то не понял, мы какого рожна тут шляемся? У нас же с тобой половые разногласия присутствуют, почему не пользуемся?

Смеется Катя преданно:

– И правда. Я все мечтала тебя потрогать, а приехал и забыла.

ВИТАЛИЙ

В общем, влюбляться Виталий постановил ни-ни, оттого и пристроился окончательно к Вале. Да и не журился, ибо товарищ так и не сумела отвязаться от страсти к мужику. За него она натурально готова была человека загрызть, что продемонстрировала, например, когда один закадычный приятель Виталия по вздорной ссоре всадил глубочайше в его спину нож (легкое, между прочим, проколупал). Вылупив глаза, она бегала с пистолетом по подъезду и не кончила закадычного только благодаря изумительной прыткости злоумышленника и темноте. И в больнице поставила в аврал весь персонал, а далее, как сказывали врачи, двое суток на минуту не сомкнула глаз, страдая за любимого.

Либо происшествие с ее собственной сестрой, которая внезапно забеременела от Виталия и по недоросливости не сумела унять беременность. Кто как не она заботился в последствии об общем дитятке!

Впрочем, и ревнива была непомерно, прощала только сестру и еще одну девицу, уведомить к месту, тоже ее родственницу, хоть и далекую. Раз пировали у приятеля, и под шумок Виталий в ванной одну дамочку покормил. Валька застигла. У дамочки клок волос изъяла, попинала с душой; потом за Виталия взялась, глаз чуть не выдрала. Пришлось по печени вложить, сам же и перепугался – откачивали.

Коротко сказать, по всем этим причинам Виталий именно с ней обручился в церкви, которая строилась во многом на его пожертвования (будучи так и сочтенным законно с Машкой), и именно с ней затеял второго ребеночка, доченьку Варьку лапоньку. Только это позже, уже на Украине.

А пока будьте любезны – пошла мода на отстрел авторитетов.

Особенно авторитетным Виталий не был. Вернее не так: свое поле деятельности – заметьте, не долю, а поле, то есть над Виталием никто не стоял – в рэкрете он имел. Тут дело заключалось в том, сколь доходно поле, иногда доля выходила выгодней. Но и не в этом даже состояла штука. Авторитеты тогда вырастали по законам никем не регулируемым и никому не понятным. Самые громкие имена города вспухали на причинах порой далеких от объема и дерзости деяний, другой разговор, что некоторые умели с профитом пользоваться этими удачами. Впрочем, и удачами это назвать нельзя, поскольку отстрел пошел как раз исходя из громкости имен. Так вот, Виталий. Он не любил, когда его имя звучало излишне громко. Отступление в связи: Виталий, кажется, обладал изрядной интуицией – часто доверял, уверовал и полагался на нее практически безоговорочно. Короче, фраза о не любви имеет место как раз благодаря оной. Другая история, что неумность натуры совала Виталия в разные блудные, ему все чего-то (отнюдь не денег) не хватало, везде ему хотелось присутствовать. Словом, когда бесславно пали иные так и просто приятели Виталия, предчувствие зашевелилось. Дело в том, что именно доступность пирога, а стало быть, и многочисленность алчущих совершенно лишали деятельность какой-либо координации и возможности определения супостата. Иначе говоря, раздался стук в окно (Виталий тогда жил на первом этаже, какая неосмотрительность), мама, чистая душа, выглянула из-за занавески в темноту и по просьбе некоего силуэта позвала Виталия. Силуэтом оказался Паша Орланов, вор в законе. Он даже на улицу не вызвал, а сообщил голосом достаточно горклым, чтобы обладателю быть в законе:

– Базар идет за кипешь в Большом Урале (там в ресторане случилась нервная стычка разных группировок по действительно крупным делам, в которой участвовал Виталий), может плохо кончиться.

И следите за ходом действия. Виталий резво собрался, вызвал преданного сотрудника (он как-то Виталия грудью от пистолета заслонил (правда, стрелять не собирались) – погоняло Волк, щедедушный на вид гражданин чрезвычайно дерзкого поведения, да что там, дружек с седьмого класса) и вместе с ним в двадцать четыре часа упулил в Самару. Это мы к тому, что сам Паша – вот вам нерасторопность – таки бесследно исчез (он в той стычке прямого участия не принимал, хоть решения по ней принимать был вынужден, и предупредил Виталия от душевного расположения), и мы с вами даже на могилке (какая несправедливость) не можем выпить.

Итак, Самара. Ну, вообще, отчего непременно Самара? А от близости к Тольятти – помните толику по запчастям? Ковыряя здесь, Виталий сошелся с местными, почувствовал к себе уважение, и уже год снимал двухкомнатную квартиру, поселив там своего человека, который занимался платными стоянками – зигзаги бизнеса: практически автомобильная вотчина, а кормушки, что трут бока, осваивают варяги. Невеликое время Виталий пожил неплохо – сеть стоянок давала солидный гешефт. Не жала местная братва (автомобильная мафия еще не оперилась) – Екатеринбург уже набрал славу российского Чикаго, и выходцы оттуда невольно тащили шлейф крутизны. Виталий к тому же всякий раз умел из незатейливых веществ создать пылевое облачко. К облачку присовокупим: отчасти интуитивно, в остальном из симпатии к празднику Виталий поощрял шик и сибаритство. Например, тогда достаточно экзотичным выглядело то, что он снабдил себя телохранителем, бывшим капитаном спецназа – Коля Ташкентский – высоким, мускулистым парнем, отчаянным водилой и бедой молодежи (Коля впоследствии дослужится до компаньона Виталия, а еще дальше множко кинет папу). И разве не мило выглядела картинка, которую, молвим так, невзначай наблюдали подчас местные, где Виталий на моторке (катерке, произносят самаритяне) для освежения с бодуна несется по матушке Волге наперегонки с капитаном, что, играя здоровьем и преданностью, бежит аллюром по крутому берегу... А тот случай, когда он на три дня арендовал пароход, собрав местную элиту по случаю дня рождения жены, приехавшей к дате из Екатеринбурга? Признаемся, что во многом Виталий желал подпустить пыли как раз в прекрасные очи Машки, и вот они, жизненные коллизии: именно здесь Виталий поощрен был радостями триппера.

Словом, это из Самары начал поезживать Виталий на Украину, в Житомир. Во-первых строках, здесь коренилась достаточночисленная родня по маме, а главное, присутствовал двоюродный брат, душа родственная уже на незаконопослушании. Наряду, затеял Виталий строить на море – любит человек сочетание простора и мокрого – виллу (ну не фазендой же назвать). Виллу-то он, дело прошлое, в карты фукнет, а вот Житомиру лет пяток отдаст.

Основной авантаж в Хохланде Виталий варил на трансформаторной стали. Запорожье – гигант соответствующей индустрии. И теперь – Белоярская атомная электростанция, что освещает город Екатеринбург, очень любит вышеупомянутую сталь.

Дело в том, что еще в предварительном заключении перед второй ходкой Виталий впечатлил одного ушлого гражданина. Мы упоминали. Они и на зоне совмещались, и Фартей – в настоящее время он является главарем телекоммуникационного монстра – вечно таскался с Виталием на полшага сзади. В делах коммерции он был хват беспощадный. Ему чрезвычайно нравились государственные деньги, и он постоянно изыскивал способы утолить свою страсть. Окончив Уральский политехнический институт, он сунулся в аспирантуру, но уяснив, что государство это заведение не любит, пошел чесать по стройотрядам. Став главой самого крупного стройотряда области, он мгновенно проворовался и теперь семенит позади Разува. А вот брат его, такой же деятельный, но более, скажем так, удачливый человек, в годы становления, как нам объясняли, демократии образовался мэром районного центра,

где та самая БАЭС и обреталась. Словом, зона давно в прошлом, а любовь БАЭС к Запорожью наши молодцы курируют.

Именно Фартей обучил Виталия теннису и монолог с упоминанием лейб-идеолога имел место благодаря ему. О другане наш будет повествовать Кате изрядно, и даже познакомит, однако умолчит о том, что товарищ не так давно звонко кинул любезного. Речь идет о грандиозной афере с прокруткой через оффшоры колоссальных сумм, в которой участвовали пара весьма высокопоставленных лиц и руководитель самой крутой, уралмашевской, группировки города, теперь бывший депутат городской думы, потому как покойный. И от которой отцепляли разную шушеру, коей Виталию довелось случиться. Примечательно, как его кучерявили. Ну, во-первых, банально закрыли. Несколько дней держали в камере, и каждый день демонстрировали записи телефонных переговоров и даже разговоров кухонных – они и были самыми компрометирующими – о разборках и иных, прямо скажем, не самых праведных делах. Сволочи, скрипел зубами Виталий, ведь он видел подозрительную десятку, недели две торчащую неподалеку от дома. Далее привезли в коммуникационный офис и компания вышеупомянутых прохиндеев – Фартей, гнида, вышел по неотложке – журила, перечисляя факты, за которые прямоком тут же, «легко», можно отправляться в незабываемое, и сопровождая каждое журилово ласковым пожеланием: «Тебе это надо?» Далее представитель славного трудового социума Уралмаш вывел Виталия вне и очень приватно пообещал содействовать в любых недоразумениях. Утешил себя Виталий единственно тем, что несколько дней позже подъехал к зданию, где располагался монстр, напихал в рожу водителю Фартеевского мерседеса, и на оном же укатил восвояси. Владей, соболезновал Фартей с широкого плеча.

Жилось в житнице привольно. Забубенил себе Виталий четырехэтажный коттедж. Еще квартиру трехкомнатную содержал – здесь обитали его люди: Коля Ташкентский, Волк, Франц. Кстати, когда Фартей приезжал, его здесь же селили: раскладушечку раздвинут – лежи, не барин. Девиц квартира полна. Молодки на Украине гарные: волоokie, губошеккие, при формах и желании лет с пятнадцати. При этом мужская сила у Виталия отменная. Раз буховастенек на квартире той уснул и все сон какой-то тревожный, нервный. Проснулся, ну жаловаться – дескать, ерунда лезла. Соколы давай ржать. Чего это? – обиделся Виталий. Да тебя ж, пока спал, Оксана полчаса имела.

Разумеется, помимо стали существовали иные делишки. Ресторан. В нем обреталась вся незаконопослушная крутизна Житомира. Он любил поутру расспрашивать Валентину, чего душенька просит. Та, отчасти из понимания, отчасти из глупости, кочевряжилась. Требовала, скажем, молочного поросенка и Виталий в трубку, перемежая властные и любезные ноты, наказывал повару исполнить в кратчайший срок.

– Послушайте, неуважаемый, – холодно сует голову Виталий к особи, – вы разговаривайте намного тише. Поскольку ваш голос несколько противен.

Особь незамедлительно и визгливо возмущается:

– Как вы смеете! Вы много на себя берете!

– А я люблю брать. Испытываю, знаете ли, приязнь к данному методу земельного бытия.

– Я обращаюсь...

– Заткнись, – больно тычет его пальцем в грудь Виталий, – за-ткнись, – палец, прямой и суровый, оказывается подле глаз пострадавшего.

Гражданин сопит, глаза переполнены.

– Ну вот же, – Виталий разводит руки, – сейчас бы мама тобой гордилась. Ты становишься человеком.

Имели место и невзгоды – Катугин. Тут кость на кость получилась. Катугин жил без отсидки, но мазуту имел внятную – чеченцы, азеры (стандартная схема: бывший мент, Чечня). С этими – дело бесполезное. Виталий еще в Екатеринбурге сподобился. Там накат был на его площадь, Виталий приехал на разборки. Частный домик из дерева, сидят пять человек, суп хлебают. На поясе гранаты висят. Проходи, говорят, угощайся, гостем будешь. Отведал Виталий и вопрос задает:

- Зачем у реализаторши деньги забрали?
- Дэняк нада, – отвечают, – супь вкусный.
- У вас же своя территория есть.
- Есть.
- Зачем на чужую лезете?
- Дэняк нада, супь вкусный.
- Вы что, войны хотите?
- Ми лубим...

По Катугину Виталий нерв сурово надсадил. Двоих Разуваевских потаскали Катугинские отменно, Волку ногу преломили. Без смерти не обошлось. Здесь с Зимой хорошо подоспело – Виталий после той ездки часто навещать с дипломатом стал и прочухал расклад (Зима пояснил, что Катугин широко велся) – затеял комбинацию. (Катугина просто убивать было нельзя, чеченцы могут для настроения или урока отомстить – кровниками русские не становятся, только единовверцы, – и Виталий на то первая фигура.) Вычеркнули коммерческую единицу – через этого дядю Катугин операции оформлял – а подставили одного вора. Там началась бойня, и Катугин в ментовскую зону сбежал – здесь не достанут.

Зарисовка. На этот раз Виталий собственными силами пользоваться не стал, а взял человека со стороны. Из частных соображений. Найдется, к месту, интересное. Когда Виталий начал Украину обживать, тут происходила благодать. У нас-то валили людей на полную, а хохлы вполне мордобитием обходились. Виталий, пообщавшись с местными, такой словесной жути нагнал – ну, это-то первое дело – что те за три метра начинали руку тянуть. Пошли кавказские войны, и хохлы полюбили наемно воевать – бедно живет житница, право. С войн приходили совершенно отмороженные. Резво сформировалась киллерская рать. Одного такого Виталий и приурочил. Да не угадал. Народ совершенно пошлый – наркотники. При расчете поганец начал свои условия ставить. Глаза грустные, белые. Виталию пришла мысль, что тот его сейчас хлопнет, и просьбу выполнил.

Здесь же к рыбалке приистрастился... Курьез. Раз перепились друганы, один хохол, Колесник, речь гнилую на хмельной браве завел. Пьянящий в зюю Волк достал пистолет, без предисловий плюнул выстрелом. Промазал. Колесник улыбался, отступал, душевно и проникновенно остужал, вытянув руку с поднятой ладонью, как бы заслоняясь:

- Кончай, Волчара, охота тебе пистолетом баловаться.

Волк еще пульнул. Парень схватился за плечо, взвизгнул. Ошалело и раздраженно посмотрел на Волка – тот досадливо и, пожалуй, безмозгло смотрел куда-то в район парня. Колесник на всякий случай упал, держась за плечо, скрючился, сучил ногами; азартно и осуждающе верещал:

- Ты шо, дур-рак, ты жешь умазал!

Волк подошел поближе, ухватил свои волосы на загривке, заинтересованно и недоверчиво вглядывался в парня. Выстрелил ему в голову и тот перестал ерзать.

Виталий, богу привет, не особенно хмельным был, пустился хлопотать. Волка срочно восвояси, на Урал отправил, денег местным не пощадил. Через пару месяцев, однако, закрыли. Правда, обращались аккуратно – занимался только что образованный отдел борьбы с оргпреступностью: ребята сплошь молодые, собой довольные, галстуки к костюмам подобраны.

– Та шо ж ты нам мозги вертишь, колы девять машин твоих. Вот жешь папирка – уси номэра уписаны (на самом деле Виталию принадлежали шесть) ... А рэсторан, а две хаты! На кой така обуза?.. Колесник, к примеру, схывнув, а тэбе нипочем – Оксану Глушко по курортам возишь, пока батька ее в раде головой за народ страдает. Нема квита.

Словом, пришлось лишиться – «геть кацапов».

А, скажем, довелось в картишки выиграть акции одного завода в Подмосковье. Небезызвестный Брынцалов подкатывал к Виталию с предложением выкупить оные акции, ибо заводик обретался на территории, соседствующей с Брынцаловскими вотчинами, которые мужчина сильно любил расширять.

Напоролся на второй инфаркт, угадал к Амосову. Понравился ему дядька страшно. Насколько Амосов хорошо лечил, Виталий, конечно, не понимал, но доверился безоговорочно. Дело в том, что, когда Виталий того первый раз увидел, чрезвычайно был поражен, насколько тесно совпадал лекарь с одним нарисованным воображением персонажем «Записок из Мертвого дома», самым любимым. Это первое. И второе – Амосов презирал всякие современные средства и занимался сугубо физзарядкой: наклоны там, бег трусцой (собственно, светило и внушал: физкультура-де, товарищ, вещь стимулятнейшая – говорил сухо и веско, веки прозрачные и тяжелые). Тут вот что, физкультурой до старости любил заниматься отец (делал он это сосредоточенно, даже самоуглубленно и, пожалуй, карикатурно – Виталий шутя советовал заняться йогой, что папаню сердило), и сынок обожал наблюдать за батей... Да и деньги Виталий платил несметные – как не верить.

Офис Виталия, Лева слоняется уныло. Ходит он забавно, на пятках – там с позвоночником история.

– Знаешь, есть в ней что-то... э-э... может, неприятное? Или тревожное. – Смятен голос Виталия.

– А я тебе скажу. Она слепая.

Хмыкнул Виталий:

– Руками что-то делает, и глаза двигаются. Забавно... Я тут придумал ей подарок добыть. День ходил по магазинам, так и не выбрал.

– Смотря какой повод.

– Именно что без повода.

– Я тебя учил, бабу по зубам выбирают. Если улыбается в четыре полных зуба, пойдет. Больше – вообще класс, дура... Меньше – с возу.

– Егорычу разве скинуть. Или подождать... Мыслишки есть относительно нее...

Через пять минут.

– Ты понимаешь, не знаю как себя с ней вести. – Теперь Виталий слоняется, а Лева сидит. – Вроде делаешь что хочешь. Там... перепихнуться по любому. Останься, говорю – базаров нет. С ней интересно с одной стороны, с другой – трудно. Шпарит без запинки, на все есть ответ. Но... Простая баба пятнадцать слов знает и талдычит об одном и том же, а не устаешь. Эта на любую тему, а надоедает... Тут задумался – на кой так много разговариваем? Ни цены, ни смысла. Она тянет в одиночество... И тем не менее...

Гараж.

– Вот послушай. – Виталий смеется. – Не угодно ли присесть... А? Каково! Это я намедни – заметь слово, намедни – одному деловому в офисе у себя ляпнул. Полный рамс. И знаешь, мне нравится!

– Я понял. – Виталий озабоченно ходит по гаражу. – Никогда не сражался с бабой. Любил, ненавидел, но не сражался. И, возможно, зря, это интересно... Вот она говорит, встань на улице неподвижно и стой – так, попробуй ради интереса. И что ты думаешь? Встал... Хоть бы кто подошел, спросил, что со мной. Разглядывают – прилично одетый

мужик. Мальчонка один наблюдал, да надоело. Я обиделся сперва, а потом понравилось... Ну и что это? Возраст, пресыщенность?... Была мысль ее проституткой сделать, да, похоже, она это прошла.

– А что ты там про способности какие-то особенные ее тер? – Это Лева.

– Здесь вообще борщ с укропом...

Именно с Украины товарищ Виталий уехал в Венгрию. Вынул и положил пару лет. Суть, однако, не в этом. И не в том, что Машутка в Мадьярии обреталась. И не в том, что загнал ее туда сам же Виталий. А в том, что как раз с Венгрии он плавно поплыл.

Вообще синусоида судьбы получалась весьма энергична как частотно, так и по амплитуде, и созидал эту шаловливость сам же Виталий. Как упоминалось, по неумности натуры мужчина – совался. Печалило персонажа, когда что-либо происходило в его отсутствие. Вот и теперь Лева стругнул одного деятеля на солидное СП – «Зими́на (одна из сановных фигур губернии) схавал, водой не запивая», восхищался Виталий (сынка по картам на кукан посадил) и не сумел проскочить мимо. Вообще совместное предприятие было достаточно вялое, хоть имело австро-венгерско-российский характер. Суть – отправка за границу ферросплавов в обмен на комплектующие по электронике. С появлением наших деятелей эспэ зашевелилось и через несколько лет, приобретя многопрофильный характер, вспухло. Самое смешное, дело подсутил тот трипперок.

Обзаведясь хворью – помните паролод? – Виталий на Машуту обиделся. Затеял допросы и выяснил, что левачит особа с предыдущей любовью (она же, якобы, натуральная). Очкарик, сволочь, рыба кровь! (Как этот ханурик умудрился раздобыть трипак, осталось глубокой загадкой.) Ну да, головасть, да, творюга – но когда это бабы на ум зарились! Короче, на открытие Виталий немало похворал и, видать, головой замутился. Послушайте, какие слова произносил: «Что ж, Маша, против чувства идти не намерен. Живи, подруга, счастливо». Ладно бы, а то и денег подсуропил, и уже на последнем нерве пристроил гражданина в то самое эспэ. Гражданин же по башковитости возьми да изобрази несколько замечательных комбинаций. В итоге засочились деньги, в результате Лева и Маша с Олегом (вражина, по-нашему) очутились на постоянном жительстве в Венгрии. Виталий сперва до СП был ленив (ну, капало и пусть влажно будет), затем, когда учреждение пошло разматываться, стал внимательней, занимался именно ферросплавом (как раз на Украине его и добывали). В Венгрии при сем получался наездами. А после и совсем туда съехал.

Теперь давайте обратно вспомним банкира, которому бока мяли. Получилось следующее: когда банкир от телесной дружбы рассказал, какую аферу мечтает получить, Виталий сгруппировался. Он подключил к истории двух деятелей, – просто для исполнения операции требовались деньги, которых в налице у Виталия не было. И потом, хотелось поделиться риском. Будучи в доле, он, когда понадобились вложения в СП, воленс-ноленс подключил их и сюда. Ребятки же натурой были априори объемней Виталия, что и обошлось минусом. Во-первых, там пошла склока между очень крутыми, к чему Виталий отношения не имел, но поскольку его имя прикасалось к деньгам, на которые претендовали склочники, то позвоночник испытывал неприятное щекотание. И как не испытать, когда одного из деятелей беспринципно вальнули, причем здесь же в Венгрии. Вслед за ним канул – уже в Греции – банкир. Второй крупняк угодил в любезность к ФСБ, и сам Интерпол имел к нему склонность. СП начали дербанить. Сильную долю оттяпал нехороший Олег. Поживите при такой раздаче.

Жизненная стезя, будем сказать, получила тенденцию «к сливу». А бал продолжался: для полной ассамблеи Виталию огорчил Коля Ташкентский. Отъезжая в Европу, наш герой доверительно возложил на него хохляцкие функции, чем тот попользовался без малейшего пардону. Кидок опечалил Виталия внятно, – притом что, как правило, на происки жребия роптал он хоть и зычно, но не сердечно, блюдя во внимании разновидность собственной

деятельности. Словом, после двух венгерских лет воротился в пенаты, претендуя закончить путь здесь – «где родился, там и сгодился».

Напомним о Фарте, примем во внимание иные бяки, в которые просто не станем углубляться, и мы увидим тень грусти на лице нашего персонажа.

Ну и в довершение. Один доморощенный праведник – это совершенно наши дни – не согласился с тем, что Виталий путем поступка изъяс у него некую прискорбно хилую сумму. Принялся грозить инстанциями. Дабы начистить тому мурло, Виталий делегировал Волка, но тот угодил в запой и вызвался Франц. По мягкости натуры (у него не выходило соблюдать серьезную мину лица) волонтер рожей не ограничился и основательно повредил здоровье ослушника. Родные возмутились, пошли искать справедливость, все поехало не по норме: склока, нервы (менты сами жаловались: докучают-де, откупись). Виталий пробовал, но папаша очутился принципиальным дураком. Убивать его было никуда и произошла пошлая и нервная тягомотина. Как ни странно, потянуло на мысли. Наскочив раз на классическое «крепчает нравственность, когда дряхлеет плоть», Виталий пустился порой виновато улыбаться.

ВИТАЛИЙ-КАТЯ

Говорил Виталий Кате:

– Ты вот что, поразговаривай-ка со мной о любви. Имею приязнь к выслушиванию.

– Что я к тебе испытываю?

– Уволь... Предыдущими прецедентами интересуюсь. Как, сколько и почему.

– Кошка у меня была. Сдохла. Жалею.

– Брось. Ваш брат до этого дела страстен. Впрочем, не верю я в женские чувства... Ну верно, верно, случилась притча – обманут произошел. Да ведь и того с кем надула, стервоза, в оконцовке бросила.

– Осталось?

– Нет, ушло. Я и благодарен, впрок получилось. Боле в нутро бабу не пущу. – Посмотрел строго. – Как хочешь это воспринимай.

– Бог с тобой, я не претендую. Калека есть калека.

– Не стыдно тебе?

– Очень не стыдно.

Виталий смирился:

– Мне нравится. А хочешь, с женой познакомлю? Она хорошая.

– Зачем тебе?

– Так, для смеху.

– Для смеху хочу. Я подружусь, я умею.

– А рожать не пробовала?

– Не умею.

– Чего так?

– Не умею.

– Давай я тебе рожу. Для смеху.

Катя хлопнула себя по шее:

– Подлые создания, все нервы истрепали.

– Оно в дело: нервы жизнь коротят, а жизнь скушная...

– Мне кажется, я не люблю детей. Они жестокие. Впрочем, я тоже.

– Наговариваешь.

– Наверное: слова легко говорить.

– Так кроме них и нет ничего.

– Ну, деньги.

– Э-э – пустяк. Я раз с собой неделю два лимона американских таскал. Ни сердцу, ни голове – грусть одна.

– А красивые деньги? Я доллары не видела.

– Понятно, что красивей рубля. – Помолчал. – Съездить разве в Америку. Не довелось. Возьмем и махнем с тобой.

Катя прислонилась:

– Страшно хочу. С тобой.

– Поживем – увидим... – безжалостно пошутил Виталий. Вздохнул: – И почему бабы такие симпатичные?

– Потому что жить интересно.

– Пожалуй...

Помолчали. Виталий поинтересовался:

– Слышь, Катя – а, скажем, песни любишь? Давай споем.

– Про любовь?

– Во-во, только песни петь. – Виталий замурлыкал: – У попа была собака, он ее любил...

– А знаешь, которая моя любимая? «Раскинулось море широко». В детстве часто маму с папой слушала. Без памяти нравилось – «к ногам привязали ему колосник». Мне чудились колосья пшеницы. Мертвый кочегар с золотыми колосьями в бушующем море. Тревожно и романтично. Тоже хотелось...

Виталий ласково посягнул:

– Придумываешь.

– Моря так и не нюхала, не успела.

– На уважение нарываешься...

Хрупнула под ногой веточка.

– Тебе что больше нравится, грустить либо смеяться?

– Обедать... Я, веришь ли, водку расхотел. Раньше пивал беспощадно, а теперь скучно.

– А я люблю. Сопьюсь при стечении обстоятельств, помощи господи.

Виталий скосил взгляд. На Кате висела ветровка, воротник изловчился, криво топорщился, лез к уху. Виталий поправил. Легонько, мизинцем смел с плеча рогатку хвои. Подумал и обнял плечи Кати.

– А в невестах я состояла...

И пошла Катя рассказывать.

КАТЯ

До девятнадцати лет Катя была зрячей. Глаза потеряла в землетрясение, в Спитаке.

Родилась Катя в Ленинграде, жила хорошо, светло. Родители благонамеренные, только для нее и существовали – единственная доченька. Школа окончена благополучно, дышали пространства. Страна волновалась, Катя нет. Разговорами, конечно, возила, но без существа – для артикуляции. Всё при ней, взглядами осаждена, уж и слов кипучих удостоена не от одного индивидуума. Где-то недалеко ждала серьезная любовь, что там любовь – будущее.

Институт не ахти какой, но для времяпоглощения и респекта в самый раз. Там же и мальчишечка отыскался. Из себя весь, млели девицы. А он к Кате претензии – дело за грядущим.

Звали мальчишку Сашей и учился он на последнем курсе. Захотелось парню жениться, Катя не возражает. Вообще оппонентов не нашлось – парень с армянской кровью, очень подходящий. Остаются в Питере, научная карьера – башковит Саша... Свадьбу к весне намеряли, только в вотчину, город Спитак извольте пожаловать на ознакомление. Ежели молодые

законами гнушаются, не хотят на родине гульбу по старым обычаям отобразить, так хоть сватов по кровной земле поводить не обессудьте, соседям, родне предъявить. Весной-то гурт пожалует в Северную престольную, а пока разминку безотлагательно. Приурочили к юбилею Шашиного родителя.

Вчетвером, молодые да родимые, и пожаловали на просьбы отчаянные. Там оно и блеснуло будущее – громадой радушия и проникновенности, ароматом вечеров и ночей, напряженной пристойностью и красотой окружающего, сознанием великой целесообразности расположения в этом благоухающем мире. Последний раз прикоснулась здесь Катя взглядом к родителям и Саше, вышли из ее и своей жизни – могил так и не посетила.

Землетрясение началось в полдень. Катя вместе с сестрой Саши шла на рынок. Накануне выпал снег (начало декабря), но сразу растаял, ветерок сновал сырой и добрый. Существовал гул и вместе напряженная тишина, имело место странное шевеление вещей и окончение деревьев. Не присутствовал страх, откуда ему взяться. И вот взмыл воздух, будто подолы прозрачных платьев трепыхнулись вверх.

Катя с Гаянэ шли по тротуару подле пятиэтажного панельного дома, тротуар закачался. Гаянэ взвизгнула и больно впиалась ногтями в руку подруги. Катя увидела, как недалеко впереди лопнул дом. Из его пор полезли дым и пыль, дом стал складываться. Теперь пошло крошиться строение, которое располагалось рядом. Оно вальяжно, как бы нехотя, начало заваливаться на спину, и панели, словно сухое печенье, посыпались. И тут земной шар наклонился. Катя увидела, что корявое, грузное небо отодвигается, в уши вторгся ровный рев, и запечатлелось, руки царапают асфальт. Отчетливо помнит, возникла мысль о сумочке... Так начиналось.

Катя не верила в существование землетрясений и не понимала, что происходит. После короткого обморока увидела перед глазами мечущуюся черноту – в рот, нос, поры била пыль, тело аккуратно сковалось плотным, невыносимым материалом. Совершенно не чувствовалась боль. Постановила, что тут недоразумение – обязательно должно быть больно. Именно отсюда попробовала шевельнуться и сразу уразумела, насколько это безнадежно – попросту отсутствовали мышцы. Только пальцы обеих рук, которые обнаружила подле лица, вяло, безграмотно и бесчувственно шелохнулись. Это ничтожное движение взорвало, девушка догадалась, что к ней пришла смерть.

Катю придавило обломками панелей. Придавило, скажем так, удачно. Сверху легла большая плита, которая вдавила тело в раскрошившуюся мелочь, но голова оказалась свободна. Сверху на плиту нападала еще масса обломков, но голову они не повредили (здесь и состояла удача: сознание Катя почти не теряла, на голос ее и нашли). Тело оказалось зажатым очень прочно, девушка приобрела позу ребенка во чреве. На пах, живот снизу давило что-то неровное, чрезвычайно болезненное. Особенно жестоко раздирало грудь, настолько, что Катя временами ловила ртом мелкие камешки и грызла их в яростном иступлении.

Все стало мучительным. Попробуйте представить человека, который погружен в кошмар действующей боли и непонимания, что происходит, в ужас ожидания не только новой боли, но и смерти. Катя ждала смерти. Со страхом и надеждой.

Имели место еще толчки. Слабые, вежливые. Они шевелили отупевшее от боли тело, тонизировали кошмар. Слышала стоны – хилые, отчаянные, отупляющие. Открывала глаза и подолгу смотрела в черное пятно плиты. Иногда кричала сама. Странно, кажется, не нашлось слез.

Часа через три ее обнаружили. Девушка услышала речь и принялась кричать.

– Где вы? – спросил с армянским акцентом вроде бы юноша.

– Не знаю, – тяжело вылепила губами Катя и, должно быть, впервые заплакала.

Через некоторое время разобрали завал над головой, свалился свет. Голоса озабоченно обсуждали что-то по-армянски. Отрешенно молчала. Было ясно, что извлечь ее не могут.

Ребята ушли (потом Катя видела их – славные, испуганные мальчишки), упала тяжелая, пропекающая тишина.

Давно ушел страх, боль истязала неимоверно. Казалось, она пытается разломать, развалить тело на куски, это получается, и гражданка торжествует, на мгновение забыв о подопытном. Однако тело коварно срачивается и обиженная боль, воспрянув, возобновляет действие. Было непереносимо и обидно.

Однажды произошел отдаленный вопль. Катя обстоятельно выслушала его и вернулась к телу... Появились уже другие люди. Тоже говорили по-армянски, тоже исчезли. Потом пришли какие-то обнадеживающие шумы, рокоты, окружающее оживилось. Зазвучали первые юношеские голоса и с ними другие, твердые, уверенные. Один баритон, хриплый, клекотал терпеть. Голову Кати тронула рука.

– Подойдет техника. Пока ничего невозможно сделать.

Катя тихо – сама удивилась, как слабо прозвучал голос – сообщила:

– Мне так больно. Если бы вы знали...

Мужчина выдохнул, отчаянно, низко:

– Что же сделать, милая.

Снова быстро заговорили по-армянски и дальше взрослые голоса исчезли. Но юношеские остались. Катя с ними переговаривалась, сбивала боль.

– Что это было?

– Землетрясение.

До нее уже дошло.

– Солидное?

– Страшное. Что наворотило, передать нельзя. Людей погибло – небо.

Молчала, тяжело дышала.

– Достанут меня? – Звук пробовала.

– Конечно достанут.

Опять молчала.

– Может, по голове мне чем-нибудь ударить. Не могу я терпеть.

Вздохи тяжкие в ответ. Вскоре вновь возникли твердые мужские звуки, уже знакомый баритон произнес:

– Сейчас укол поставят, милая. Обезболивающий.

Что-то начали делать с кистью, которую Катя не видела (плита понемногу вжимала в рыхлое, и девушка давно не могла вращать головой – лежала щекой на обломках, правая кисть, почти не имея свободы движения, безвольно торчала перед лицом). Укола не почувствовала совсем, будто влажной тряпкой провели. Через полчаса поставили еще укол и почти следом начали освобождать.

Технику, чтоб поднять плиту, так и не нашли, решили подрыть пространство под ней. Занимались этим часа полтора. Освободили плечи и руки, оказалось, что действуют. Катя сама начала помогать отгребать от себя мелочь и скоро выяснилось, что ноги накрепко зажаты порядочным куском бетонной панели. Спровоцировали кувалду, начали долбить панель. Пытались что-то ковырять арматуриной, ничего не получалось. Чуть позже принесли лом. Все это происходило в крайне стесненном пространстве, дело двигалось чрезвычайно неэффективно. Спасатели – двое взрослых мужчин, безусловно, гражданские люди, случайно уцелевшие, быстро выдыхались, часто сменялись. Им старались помогать двое ребят, что нашли Катю, но без особого проку.

Обезболивающее отлично действовало. Катя находилась в нелепой позе, все тело было освобождено и лежало страшно неудобно. Однако организма уже не чувствовала. Платье и платье задралось, когда выбирали камни от тела, скомкались возле груди. Поправить даже в голову не приходило.

Ей овладело безразличие, даже отрада – сознание отдыхало от боли. Лицо уютно вжималось в острые грубые камни, взгляд угрюмо упирался в безобразную ладонь с пальцами черными от крови и изломанными ногтями. Рядом дышала, ерзала клетчатая, пропитанная пылью и грязью рубашка – работал человек. Вялый взгляд замечал увядающее, тронутое сумерками небо. Все отвечало безнадежностью.

Основная маета выдалась на левую ногу, что оказалась стиснутой намертво. Со стороны Кати поступило предложение отрубить конечность, на полном серьезе, ибо видела, как мужчины в отчаянии обмякали, переговаривались отупело, отрешенно. Не ответили, не нашли сил. Снова один из них подполз, принялся долбить. Прошел еще час. Наконец, панель разломилась, каменные тиски подались. Это обнаружил злой, жадный возглас работающего. Сразу возле Катиного лица образовались всматривающиеся, строгие лица. Реплики:

– Вон тот обломок... вот-вот... Ты его не коли, попробуй через рычаг.

– Ну, мужики, поехали.

Уже пропущена была через спину и под мышками Кати свернутая в жгут простынь – ее недавно пробовали выдернуть. Снова потащили аккуратно, властно. Катя пошла.

– Все, она наша! – резко крикнул сиплый голос и ее подхватили несколько рук.

На этой же простыне вынесли. Сначала шли сумбурно, по обломкам. Несколько раз ударили о торчащие глыбы. Ругались. Затем понесли по ровной улице.

Катя озиралась по сторонам – отыскалось любопытство. Однако она лежала глубоко в простыне, обзор получался худой. Изредка над краями простыни плелись купы деревьев, на пропитанное дымами и пылью небо, отдаляющееся от Кати, влекущее за собой, ползло громадное марево заката. Возникала незнакомая голова, вглядывалась в Катю, исчезала. Доносилось много голосов, плача. Вопли. Девушка спокойно смотрела в мутную холодную бесконечность.

Несли, кажется, долго, она периодически начинала впадать в забытие, но короткое, очнувшись, сразу вспоминала происшествие, – тотчас набухал страх. Слава богу, лекарство еще работало, и Катя зачем-то сильно вцеплялась в натянутое полотно. Наконец добрались. Здесь был сооружен импровизированный лазарет. Вокруг стояло много кроватей (Катя внимательно огляделась), но по большей части пустых. В цепких сумерках причудливыми грудами чернели руины упавшего города. По земле стелился терпкий запах дыма и отчего-то строительства. Шла сильная настойчивая жизнь. Сновало множество людей, в воздухе стоял напряженный, вздрагивающий гул, рокотали моторы, плескались голоса, возгласы, тревожно, давяще хрипели стоны, веско и досадливо резал общий шум крик. В наползающей темноте руины начали светиться, десятки лучей, мелких огоньков ползли по корявым, безжизненным грудам, вдалеке мерцали блики бесхозных пожаров. Зажигались специальные костры. Освещался лазарет фарами легковой машины, все глубже и резче становились тени.

Как только Катю положили на койку, подошел молодой мужчина в перепачканном грязью и кровью халате, и носильщики, мрачные, усталые, те, что пожилые, ушли. Кажется, даже не попрощались. Остались двое юношей. Мужчина в халате, судя по всему, врач, молча разрезал плащ, платье и белье – они были пропитаны кровью. Тяжело оторвался от левой груди лифчик: присох к глубокой ране.

Врач ушел, ребята стояли рядом, отворотив головы. Подошла с ведром женщина в гражданском платье, начала обтирать мокрой тряпкой. По ее просьбе юноши помогли повернуть Катю, чтоб добраться до спины. Тело не чувствовало ни холода, ни прикосновений. После процедуры набросили простыню, сверху еще что-то, но не одеяло.

Снова подошел врач, опять Катю ворочали – чувствительность была утрачена, однако сознание вялым не оказалось, чутко ловились разговоры. Мужчина обстоятельно осматривал ноги.

– Кажется, все цело, – отрешенно и, похоже, мрачно говорил. – Можешь двигать ногами?

Катя попробовала. Нет. Подвижны оставались руки, но тело, начиная от груди, практически отсутствовало.

– Только руки, – Катя подняла их.

– То же самое? – спросила женщина врача. Тот кивнул. Шел сокрушенный взглас женщины: – Когда же они подъедут!

И тут началось...

ОГАРКОВ

(из жизни научного сотрудника Олега Огаркова – начало карьеры)

День начался паршиво. Опаздывал в одно учреждение, спешил на автобус. До маршрута шагать было квартал, но можно и на трамвае остановку проехать. Другое дело, что денег тютелька в тютельку – ровно туда и обратно на автобусе. Как назло, аккурат подошел трамвай; Олег посомневался, но заскочил в расчете на то, что кондуктор за остановку дойти до него не успеет. Разумеется, напоролся на кондукторшу сразу – не совсем свежая девица, с непроницаемым лицом.

– Оплатим.

Олег уместил вялую улыбочку и смалодушничал:

– Одну остановку всего.

– А я не спрашиваю, сколько вам остановок, – отчеканила кондуктор. – Оплатим!

Огарков резко выхватил купюру, сунул и пакостливо процедил:

– Понятно, не пользуют.

Кондукторша кинула негодующий взгляд и пошла ковыряться в сумке. Трамвай подходил к остановке. Олег хотел поторопить, но гордо сдержался. Выгребла все медяки. Выскочил в последний момент, споро переходя проезжую и злобно перетирая в кармане горсть монет, злорадно подумал: «Черт, явно недодала. Вот мило получится в автобусе».

Путь его лежал в некое управление, здесь получали допуск к документам нужным по работе. Сухая формальность, процедура пройдена не единожды. Нынче директор получился в отлучке, существовал зам. Этот где-то шарашился, Огарков дожидался больше часа.

На облик товарищ оказался человеком манерным – длинные волосы сбоку перехлестывали обширную лысину и к иной стороне прикреплены случились скрепкой – в веселом галстуке, запонки, да и говорил подобающе: «Вы, милейший, просьбу изложите повнятней. Внятность с утра, знаете, настраивает». Улыбался благоволя. Огарков заученно сообщил просьбу. Зам расчеркнулся с задиристым взмахом. Олег кивал головой – «спасибо огромное» – выходил мягко, благодарственно. Уже за дверью, так, для формы, кинул взгляд на бланк и споткнулся. Стояло: «Отказать».

До работы добрался пешком. Сходу кинулся жаловаться завлабу на жлоба зама, но сочувствия не достиг, а получил выволочку.

Небо сорило водяной пылью, в помещениях мерцал неон, отрешенные физиономии прятали взгляды.

– Вот что, Олег, – хмуро просипел завлаб, – тут надо деньги отослать по делу. Я, понимаешь, зашился. Удружи.

– О чем речь, сделаем, – бодро отверз зубы подчиненный.

На почте, подавая бланк, молоденькая служащая заученно оповестила:

– Внимательней с реквизитами, бланки буквально на счету.

«Ошибусь, – испугался Олег, – сатаной обещаю».

Карточку заполнял, вытаскивая язык. На пятый раз сверив знаки, гордо пошел к окну.

– Гражданин, – мягко воркотнула работник, – я же просила быть повнимательней. Вы неверно поставили дату.

С реквизитами ошибся на третьем. После четвертого бланка вспотел насквозь. Шестой пустой девушка подала испуганно, во все глаза глядя на мокрого Огаркова. Соседняя женщина контролер, плотно сомкнув губы и отвлекшись от своей работы, гневно созерцала. В очереди кого-то разбил насморк и хозяин его стал докучливо и зычно сморкаться. Остальные напряженно молчали и отворачивали взгляд. От Олега... Восьмой прошел.

Выйдя из помещения, Огарков свирепо вздохнул. Пройдя недолго по благосклонной улице и дыша, сунул руки в карманы. В правом наткнулся на бумажки, оказалось деньги. Да, посылать их следовало по двум адресам, деньги и были намеренно разложены по разным отделениям. Когда вошел обратно на почту, девушка, увидев его, подпрыгнула на стуле, схватилась за виски и умчалась в закрома заведения.

В обед поперхнулся и, кажется, обрызгал соседку по столу, сотрудницу соседнего отдела. Кашлял изнурительно, багровел от стыда и физического.

Досаду нужно выправлять и вечером Олег отправляется к приятелю на партию преферанса. Приятель, Слава, живет в общежитии, одноместный номер. Здесь уже сосредоточился Петя, общий друг, знаменитый многозначительными дефинициями, которые излагал непременно угрюмо: «Горячее холодным не бывает... Если я думаю, значит, мыслю». Либо совсем вычурное: «Посоветуйте, почем лихо? – спросил Бенья продавца обручальных колец, крутя пистолет»... Расчерчена пуля, непочатый флакончик греет глаз – чин-чинарем.

Что-нибудь к девяти придавливает и Огарков отправляется за большой нуждой. На унитаз взгромождается с ногами (дощечка есть, но все-таки общежитие). Уж и присел, когда сооружение надламывается. Раскалывается четко и опасно – в местах разлома образуются острые осколки – однако Олега спасает рефлекс: падая, он виртуозно изворачивается, избегая взаимодействия стула всех видов с местом предназначения. Авария, тем не менее, достает: он грохается на отбитую часть унитаза рукой. Рану, довольно глубокую, обрабатывают.

Огарков со Славой отправляются к коменданту предъявить вещдок, руку – нужно снять вину за поруху. В комнате коменданта находятся две молодые девицы, Олег в помещение не заходит, стоит в дверях. Слава уныло докладывает:

– Вы знаете, унитаз сломался.

– Это бывает, – радостно сокрушается комендант, – не волнуйтесь, сантехника пришла.

– Вы знаете, – вяло винится Слава, – он раскололся.

– Как раскололся? – округляет глаза комендант.

– Ну напрочь, на куски.

Девицы заинтересованно смотрят на Славу.

– Вы что, – ополчается официальное лицо, – по нему молотком били?!

Девицы прыскают.

– Ничего не бил, он сам сломался.

– Вы мне зубы не заговаривайте. Как он может сам сломаться?

– Ну, не сам, конечно, им пользовались.

Комендант выходит в фойе к вахте, за ним заинтересованно семят девицы. Он подходит к телефону и орет в трубку:

– Мария Игнатьевна, тут жилец унитаза разбил, что с ним делать?.. А?.. Да черт его знает, говорит, сидел... И я тоже самое: не китайский фарфор... – Девицы угодливо хихикают. Комендант, кхекая, потекает. – Чем ходил? (Кидает едкий взгляд на Славу.) На вид человек нормальный. – Отворачивается, слушает. Поворачивается к Славе и, не кладя трубку, допрашивает: – Рассказывай, как было дело!

– Именно как, – пытается пошутить Слава, однако серьезно, не наблюдая отклика. – Ну это... садимся, а он... того.

Появляются новые лица, все в крайней степени любопытства. Ответственный товарищ напрягается:

– Что значит садимся, вас несколько было что ли?

– Да нет, один – он... – Слава кивает на Огаркова. – Видите, он руку поранил.

Комендант подозрительно смотрит на Олега, присутствующие едят взорами.

– Человек-то чужой, – голос гражданина мрачен, – что-то вы мне тут салазки закручиваете.

– Вы понимаете, он мой гость, – отчаянно лепечет Слава.

– Без бутылки тут не разобраться!.. – сурово орет в трубку комендант. – Ага, хорошо. –

Кладет трубку.

– Пойдем-ка на месте посмотрим, – грозно постановляет твердыня порядка.

Начальство величественно возглавляет процессию, дальше понурые Слава и Олег, на легком расстоянии понятой народец.

– Ну что, будем платить, – всесторонне разглядев явление, сообщает товарищ.

– Позвольте, за что платить?! – возмущается Слава.

– А вот, за безобразие, – тыкает в отхожего инвалида.

– Нашей вины здесь нет, это, так сказать, стихийное бедствие!

– Вы мне оставьте стихию в покое! Может, еще домой утащите, а скажете, бедствие.

Комендант сладострастно принимается за Огаркова:

– Докладывай, как ломал.

– Я захотел на двор, – глядя в упор, оскорбляется страдалец, – и забрался с ногами на унитаз. Вы установили бракованную вещь, она не выдержала и сломалась. Я упал и получил травму. Теперь некоторое время не смогу работать, и государство понесет убытки.

– Ты мне здесь спектакль не устраивай! – чеканит страж. – Мы, видите ли, установили бракованную вещь! Это ты нарушил правила, если лазаешь по унитазам с ногами. Вон дощечка, сиди сколько влезет и никогда ничего не сломается.

Челюсть антагониста сводит, он некоторое время безмолвен, затем интересуется:

– Сколько стоит сооружение?

– Оплата через ЖЭК, я думаю... – комендант назначает цифру.

Оппонент, вкрадчиво:

– Как вы думаете, сколько стоит моя жопа?

Блюстителю вскидывает глаза:

– При чем тут она?

Огарков подходит, встает над предметом и немного приседает, останавливаясь как раз над осколками.

– А вот причем. Вы должны радоваться, что мне удалось извернуться. Я бы с вас такой моральный ущерб содрал, мало не показалось.

– Какой еще моральный ущерб! – кипятится комендант. – Нашел, где мораль держать.

– Да прямая мораль, уважаемый, – голос Олега звенит. – Допустите – я ничуть не научный сотрудник, а натуральный следователь по особо важным делам. Предстоит допрос матерого преступника, протокол надобно составить, а я сесть не могу. Что человек подумает? (Публика в восторженном напряжении.) И вообще, вы знаете, чем должность высиживают? А-а, не знаете! Читайте, уважаемый, кодекс строителя коммунизма... Да вы хотя бы в курсе, что в Гонолулу тохас святым местом почитают? Трогать посторонними предметами это место нельзя под страхом казни! – Голос Олега берет верхние регистры, помещение дает звонкий резонанс. – О каких дощечках вы говорите! У меня, если хотите, бабушка из Гонолулу!

Публика упивается. Защита взвинчивается:

– Ты мне тут Ваньку не валяй! А ну предъяви паспорт...

ОГАРКОВ

(письмо из Венгрии, 1996 год)

Маша меня бросила – вот так, Евгений Алексеич. Точнее, швырнула, как выражаются мои нынешние сосуществователи... Что за прелесть эта Маша! Какие минуты довелось мне пережить. Какие содрогания нервов, плоти и серого вещества произошли и продолжаются. В результате умащен размышлением о психофизиологическом строении каверзятины величаемой женщиной. Стало быть.

Когда женщину объявляют шлюхой, это извращение христовых заповедей. Возлюби ближнего своего. (Кажется, у Шопенгауэра: проститутки – это жертва человечества на алтарь моногамии.) Еще: говорят, женщина сильна слабостью, – верю, поскольку таковой у них не наблюдал.

Мир движет идея – воплощена в мужчине. Идея питается плотью – женщина. Особи где-то противоположны – резон, ибо конфронтация будирует потенциал. Разнородные потенциалы требуют унификации – стоимость в единицах. Женщина, проставляя себе цену, активизирует мужчину.

Послушай-ка. А ведь инстинкт продажи есть творчество. Сделка подразумевает некое достижение, так как имеет в виду неспособность потребителя.

Мне, кстати, мысль пришла, что алкание русичем мужской дружбы есть выходки архетипа, ибо для витающего в небе существа любезно не только бескорыстие, но и свобода (друг тот, с кем можно молчать – помнишь?). Женщина же сугубо корыстна и насилующа.

Предвижу. А где же любовь, спросишь ты – чегой-то не усек словца...

Да... вот... любовь, – с этой сволочью мне разобраться, похоже, не по силам. А я тебе так скажу: что-то меня в сомнение сверзило – могут ли фрау любить по-настоящему? Смотри, серьезные определения любви (надеюсь, ты не забыл, дабы не сползть в кюветы, мы утвердились оперировать понятиями из словарей) непременно включают самопожертвование.

Иес, любовь построена на самопожертвовании. Женщина же на оное ради мужчины в большинстве случаев не способна. Укладом жертвуют редко, практически из семьи не уходят, – детей, во всяком случае, бросаем мы. Движение их идет к укладу более выгодному... В общем, цитирую Джеймса Вудса (кинозвезда ты, американская): женщина – это румяное яблоко, в котором живет червяк, вот-вот готовый объявиться. Не берусь оспаривать звезду американскую (между прочим, с почти предельным IQ).

—

Отчего бабы не хвастают связью с мужиками? Воображение для них не есть замена жизни, связь не воспринимается как победа?... Ха, вспомнил. Приятельствовал с одной легкомысленной особой (как говорить, не было услуги, которую она не могла оказать), она уверяла: «Чего жалеть, у нас за сто лет на миллиметр снашивается (сношивается?)»

Я много ловил себя с такой мыслью: нельзя делать все, что Маша хочет, ибо нестигаемо полагал, что случится обоюдное разрушение чувства. (Порой, между тем, всем сердцем хотелось крикнуть: все исполню, чего желаешь, и истинно хотел этого.) Борьба, достижение, а то и соперничество, представлялось мне – залог нашего партнерства. Одновременно негодовал: что это за близость, когда урезаешь себя часто в самом сокровенном, – разве это не разрушение? Чувство договора, расчет того, как выбрать вариант менее разрушительный, всегда глодали меня.

Первая смычка с Машей состоялась лет пять назад – о Венгрии не помышляли. Всякое случалось. Уход из семьи дался тяжело, но Огарков был уже бессилён. Самое сложное состояло в отношениях с сыном. Он пришел к Кешке месяца через полтора после разрыва. Мальчик посмотрел на отца испуганно – борода у того висела, с Машей стилижничать ударил – насупился. Разговаривал вяло, заморожено. Олег стал забирать его два раза в неделю из садика и доводить до дома. Кеша так и не оживал. Папаша носил сладости, сын деловито употреблял, но волеизъявления к беседам не проявлял. Через две недели Лидия (первая жена) попросила: не надо часто с Кешей видеться. Олег мгновенно разъярился: что за козни! Лидия махнула рукой, исчезла. Спустя какое-то время пришла мать ее. Просила:

– Олег, мальчик нервничает после ваших встреч. Я понимаю, тебе необходимо его видеть, но попробуй делать это пока реже. Со временем психика настроится, он привыкнет.

Олег не поверил, расписания не менял.

Однажды, обычно он доводил Кешку до двери и уходил, зашел с пареньком в квартиру – купил громоздкую игру, нужно было занести. По обыкновению нагнулся, чмокнул малыша в щеку, что-то сказал, пошел к выходу. Вдруг сзади раздался крик:

– Папа, не уходи, останься!

Олег ошалело развернулся, малыш вжался лицом в стену, глухо, обморочно причитал:

– Папа, останься.

Выскочила Лидия, обняла сына. Олегу без вражды бросила:

– Ты иди, он быстрее успокоится.

Олег резко вышел, быстро, испуганно зашагал к трамваю. В горле клокотал огромный ледяной ком.

Когда проехал пару остановок, вдруг в вагоне исчез воздух. На остановке выскочил, в беспамятстве добежал до какого-то скверика, обрушился на скамейку. Сердце корежилось где-то в желудке. Это был припадок. Мелькнул и быстро растворился в буйстве невроза страх за жизнь.

Очнулся внезапно. Тело косо лежало на спинке. Последняя конвульсия дергала оторванную, лежащую на бедре руку. Безмерная усталость вжимала в скамью.

– Вот это да, – непослушными губами прошептал Олег.

Стал ездить к сыну реже, говорил скупой, сбрил бороду. Один раз, расставшись, бредя уныло по пасмурной улице, всплакнул.

Ну вот, осмотрел только что намаранное, и улыбка сарказма мнет лицо. Какие, к лешему, потенциалы! С ужасом вспоминаю, как упражнялась надо мной Маша, и осознание ничтожности корежит сердце. Я во многое тебя не посвящал (вот тебе дружба, вот свобода). Был подавлен, и простой стыд, наконец.

Нет смысла и возможности воспроизвести эпопею, но сказать стоит, что история наша есть живая иллюстрация садомазохизма. Ты в курсе, сколь много было: мучительный разрыв с Лидией, странное замужество Маши в расцвете нашего романа на некоем монстре, Разуваеве (и фамилия – получите), уголовном типе, который с ней, своевольной и аристократичной, вытворял что угодно (примерчик: он без предисловий приносил домой, уж прости, гонорею). Имело место возвращение ко мне, подлинная и кипящая страсть. Существовало множество совместных, но неизменно иницируемых Машей подвигов. Наконец, окончательное охлаждение и коварный, чрезвычайно жестокий уход. И присутствовала громадная усталость.

В начале декабря – после бракосочетания Маши и Виталия (Олег все ходил, примеривал в туалете, куда привязать веревку) прошел месяц – квартиру Огарковых (наш герой жил

у родителей) обокрали. Унесли одежду, телевизор, пенсию, кое-какие побрякушки. Сохранившиеся у Олега деньги пустили на новый ящик: страдал без него отец, да и сам парень с ним сдружился. Огарков тогда не работал, ушел из науки. Надо отметить, дурным поступком это он как раз не считал.

Жить стало интересней. Олег квалифицировался в завхозы, учинял доскональное обследование магазинов, дабы достигнуть неприхотливых цен. Мясо из рациона почти исключили, перешли на концентрированные супы. Очень полюбили чай.

Занимательно, что зажили тесно. Самопроизвольно устраивались совещания на кухне, обсуждались рецептуры блюд, предстоящее меню, телевизионные происшествия; согласованно выносились резолюции относительно политических событий, клеймили отдельных деятелей. Огарков все отчетливей начал различать разновидность помешательства.

Тридцать первого декабря никакие праздничные настроения не разумелись. Олег принципиально не стал бриться, сосредоточенно размышлял о необходимости идти за хлебом. Большого ресурс не позволял: пенсию родителям несли в начале месяца, у кого можно было, уже заняли, да и неохотно давали – Новый год, страшная инфляция.

Напялил на себя старую, доисторическую одежду – сестра спроворила, бог рассудит, из каких закровов вынула. (После катаклизма первое время на улицу ходили с отцом поочередно.) Следует заметить, что Огарков в сем облачении даже некоторую гармонию переживал.

Народу в булочной было вдоволь – процесс еды в этот день имел приоритеты – плотная ленточная очередь наполняла помещение. Разогретый углекислый газ, напоминая о мерзком ветре улицы, опьянял уютom. Толпа негодуя шумела относительно отвратительности цен, политики, жизни как явления. Олег, вжатый в соседние особи, неприметный, безразличный ко всему, изредка переступал ногами согласно общей подвижке строя.

В данный момент его занимала следующая проблема. Остаточный ресурс позволял купить две булки хлеба, что было, в общем, ни к чему, ибо при сложившихся запросах одной на сутки вполне хватало. Каверза, между тем, состояла в том, что народ сплошь брал по три и более хлебных предмета и выдающимся в такой обозримости выглядеть очень не хотелось. Вот и любопытно казалось, как поступит в момент реализации его, давно живущая отдельно, психика.

Уж за половину пути перевалило, когда в булочную внедрился мужик. Он был напорист, неопрятен, пьян. Его намерения представлялись очевидными – гражданин хотел получить товар без очереди. Равнодушный к его поползновениям Олег бросил косой взгляд, и тут же внутренность зашевелилась от недоброго предчувствия. Облик данности оказался знаком. Выцарапалось воспоминание: учились когда-то на одном курсе. Не окончив института, личность исчезла, но изредка встречалась в городе и даже протягивала в приветствии руку. От такого злополучия Олег тотчас съежился, отвернул голову и начал пристально вглядываться в окно. А мужик тем временем принялся за дело.

– Мать, – сиплым, грубым голосом обратился он к пожилой, аккуратной женщине, стоявшей близко к раздаче. – Купи булку, на самолет опаздываю.

Не согласуясь с фактурой, женщина истерично взвизгнула:

– На какой самолет! Кто тебя, забулдыгу, в самолет пустит! Ходят тут, нажрутса с утра...

Далее тирада звучала тише, но в интонациях обвинительных – выяснилось, что это забулдыга причастен ко все той же отвратительности цен, политики, жизни как явления.

– Ну ладно, ты, овца, глосни, – угрожающе возразило существо, однако от оппонентки отодвинулось. Придвинулось тем самым к Олегу.

Между тем очередь стронулась. Окно уплыло, глядеть в него представлялось слишком экстравагантным. Огарков туго повернул голову вперед и со всей силы вонзил взгляд в спину впередистоящего.

Соискатель в тот момент высматривал очередную жертву. Олег боковым зрением, кожей, всем организмом уловил, что объект смотрит на него. Настолько ситуация была гнусной, настолько оторопела от нежелания грядущего плоть, что возглас мужика, ожидаемый конечно, ударил как из-за угла.

– Здорово что ли, – с угрюмым задором объявил член общества.

Огарков испуганно бросил на голос взгляд и даже опешил от неожиданности. Член обращался не к нему. Очередным подопытным оказался благообразный старичок, стоящий далеко впереди.

– Разве мы знакомы? – потерянно пролепетал старик.

– Да ты что, – пораженно выпучив глаза, блажил на всю улицу палач, – бухали же недавно у Лехи Смирнова!

– В каком смысле? – подавленно простонал дедушка. – Помилуйте, никакого Леху я не знаю. Более того, я совершенно не пью.

– Перестань, – снисходительно уже и благоволя пропел экзекутор и, по родному обняв друга, засипел: – Сонька-то, стерва – ну помнишь, без зубов которая – крякнула, паленой водкой траванулась. – Дальше гражданин пошел делиться жизнью.

Олег опустошенно закрыл глаза. Булочная благоговейно внимала дуэту.

К счастью, идиллия длилась недолго – старичок от выдачи находился недалеко. Огарков уж и сам с любопытством выслушивал этапы пути нежелательного знакомого и опрометчиво от этого расслабился. Вот и добился заслуженно. Получив вождение, громоздко отойдя от прилавка и направившись к выходу, неприятель вдруг величественно задержался рядом с прячущим взор Огарковым и во всеуслышание вынес вердикт:

– А ты говно!

Сказано это было с удивлением и одновременно с таким знанием предмета, что никому не позволяло поселить даже нечаянные сомнения. Олег ошарашено бросил взгляд на гордо продолжившего путь господина и... смолчал. Вся булочная заинтриговано обрушилась взглядами на Огаркова. Казалось, даже пространство вокруг него образовалось, и, что уж там, почудилось, будто кое-кто воздух носом начал пощупывать.

Прошло, вероятно, минут пять. Уж сползла с лица изморозь стыда и негодования, когда от раздачи отделился и показал лицо старый знакомый, сверстник, живший когда-то в прежнем дворе. Увидев Олега, он широко открыл глаза и искренно улыбнулся.

– Ты как здесь?

– Живу.

– И я здесь недалеко.

Старый товарищ оказался громогласен и бесцеремонен, хоть и трезв на первый взгляд. Смысл их разговора свелся к следующему. Товарищ:

– Работаете?

Олег:

– В гортопе.

– На что живешь?

– Так, перебиваюсь.

– Семья?

– Раздельно.

– Кто виновник?

– Оба.

– Понял, жена рога наставила, – резюмировал добросердечно друг юности. – Курвы – у меня те же ясли. А ничего, сейчас другую взял. Добрая баба, без претензий. – И удалился.

То, что Огарков персона, выяснилось незамедлительно. Булочная упоенно, сократив дыхание, взирала на него. «Бежать!» – разразилось в голове. Но тут возгорелось то, что у прочих числится поперешностью. «А шалуна вам», – молча изрек герой и, устремив вперед пристальный взгляд, гордо воздел голову. Расплата последовала сию минуту. Сзади вкрадчиво, соболезнуя, заинтересованно раздался голос:

– Ты, мужик, не расстраивайся, жены приходят и уходят, а мужская доблесть остается.

Данная конструкция была произнесена женским голосом, хрипловатым, напоминающим почему-то плесень в банке соленых огурцов. Сердце споткнулось, Олег медленно всем телом повернулся. За ним стояло существо. Когда-то, возможно, оно сходило за женщину. Здесь не присутствовало возраста, да и вообще чего-либо кроме содрогания предвещающего. Это было нечто среднее между вокзальной синявкой и вычурной дамой пятидесятых годов. Элемент улыбался. Он наглядно заигрывал.

В помещении повисла мертвая тишина. Уже и продавщица прекратила отпускать товар. Олег понял, что это судьба. Он оскалил зубы. Он соорудил слова:

– Я поздравляю вас с Новым годом. Желаю как можно больше доблестей. Просто перманентно. Пусть это будет доблестный год. – Задиристо вытянул голову. – И вас, господа, я поздравляю!

Разумеется, Огарков купил две булки хлеба. Недалеко отойдя от магазина, он со злорадством поймал возглас: «Эй, мужик, хочешь выпить?» Естественно, это произнесла синявка. Вопрос был изумителен – тут содержалась и философия, и интим, и, в конце концов, социальная взаимность. Олег подождал подругу.

– А как вы думаете? – кокетливо спросил он.

– Да что там думать, – хрипло хихикнула мадам, – все вы хотите.

Здесь она должна была повести плечами, но, наверное, из-за мороза этого не сделала.

– А то, – хихикнул в свою очередь Олег.

Мадам жила в однокомнатной квартире, как ни странно, довольно опрятной. В жилище находились посетители: мужчина лет сорока, обходительный, и молодая девица, вполне симпатичная, но абсолютно невменяемая. Право сказать, она ни на что не претендовала, и изредка барахталась на кушетке, надо думать, предпринимая попытки встать, издавая при этом жалобные звуки. Самое любопытное, что стол умещал множество аппетитных закусок и не последнюю заграничную выпивку.

Словом, через полчаса Огарков, помимо густого, роскошного хмеля, чувствовал не только уют, но отчетливо осознавал, что это – его среда. Он безудержно бахвалился своим недавним прошлым, презрительно отзывался о Марии и захлеб разворачивал какие-то философские обобщения, в которых собеседники наделялись эпитетами сермяжный, кондовый, исконный и так далее. Сочувствие было абсолютным.

Домой Олег поступил через сутки. В этот срок преуспел: в любовном объяснении к мадам, что было поощрено поцелуем, таковом же к девице (соприкосновения не произошло по причине негодования девицы: «Что значит, вы меня любите? За кого вы меня принимаете!»), аналогичном к мужчине (получено по лицу), в членовредительстве по отношению к телевизору (был разбит вдребезги путем урона на пол), в употреблении желудком одеколна марки «Тройной», и в иных действиях в памяти не уместившихся.

А знаешь ли, какая мысль посетила меня теперь? Исток женской психики – неумение быть честной перед собой. Это, собственно, и есть то, что называют женской логикой.

Отсутствие объективного взгляда, соотнесения с собой. Заметь, всегда-то они правы, все виноваты, признать за собой грех – ни за ковригу.

Зло действительно, вспомни Толстого. Мужик в житейской склоке проиграет бабе только оттого, что вступил в нее. Ибо та не гнушается средствами: это и оговор, и кляуза, и ложь прямая и всякое. То же самое любая власть.

Знаю, скажешь: Маша интеллигентна, к ней это нисколько не подходит. А если так, то растерян, устал уже во всем обличать себя. Да и столь дики ее выходки, так необъяснимы. Широта натуры, непомерная страсть к свободе? – да Виталий же был, присутствовала ее покорность.

Когда бросают — уязвление или потеря?.. Потеря в любом случае (достоинства, например).

Штришок: твердит, что изменяет из мести. Ну лукавит же! Месть – причинение ответной боли. Какого рожна, что, любопытно, я гражданке учинил? Однако послушай – я, говорит, мщу тебе за свой сознательный выбор. Что за черт, причем здесь я? С тобой, произносит, приходится думать, а это больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.